
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Я Н В А Р Ъ 1809.

№ 2.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

ИСТИНА,

Индѣйская сказка.

Факиръ шелъ по лугу, смотря на конецъ своего носа. Вдругъ земля подъ ногами его издала звукъ, и Факиръ сказалъ: „Въ этомъ мѣстѣ есть пустота, а можетъ быть и кладъ; еслии найду его, то рѣшусь быть совѣстнымъ человекомъ.“

Онъ началъ рыть — открылся сводъ, а подъ сводомъ колодезь, которой безъ сомнѣнiя уже нѣсколько вѣковъ былъ закладенъ. Такая находка, послѣ чрезвычайныхъ трудовъ, не могла его обрадовать.

И такъ не мудрено, что онъ повѣсилъ голову, и съ печальнымъ видомъ

смотрясь въ колодезь; но вдругъ выходитъ отсюда женщина, мокрая, дрожащая отъ холода и нагая. Факиръ разсматривалъ ее съ восхищеніемъ, и не думалъ сдать ей своей маншіи: ибо женщина была молода и прекрасна!

„О ты, прелестнѣйшая изъ всѣхъ дочерей Браммы!“ говоритъ онъ: „скажи мнѣ, кпо ты, и зачѣмъ купаешься въ колодезѣ?“ — *Я Истина*, отвѣчаетъ она. Факиръ, поблѣднѣвъ, бѣжитъ отъ нее какъ серна отъ шуга, доказывая можетъ быть то, что истина и Факиръ не жалуютъ другъ друга.

Красавица, такимъ образомъ оставленная, идетъ пошхоньку въ городъ. Нагая женщина въ числѣмъ полъ не есть чрезвычайность въ жаркомъ Индѣйскомъ климатѣ. Мимо ее прошли стихотворцы, купцы, Султанши и евнухи.

Видя Истину, стихотворцы говорили: „какъ она суха!“ купцы: „какъ глупа!“ Султанши: „какъ нескромна!“ евнухи: „какъ печальна!“ Никому изъ нихъ она не полюбилась.

Встрѣпился Камергеръ, какого-то Индѣйскаго Двора, пожилой сласполюбецъ, богатой деньгами, но бѣдной силами, которому оставалось только хвалиться прошедшимъ и молчать о настоящемъ.

Однакожь Камергеръ взглянулъ на Испину; примѣшилъ, что у нее самое нѣжное, бѣлое тѣло, и посадилъ красавицу на свои носилки.

Лишь только она сѣла, вдругъ ѣдетъ на Дромадеръ Сулпанова любовница. „Какая спраннысть!“ закричала Испина: „у любимой Сулпанши кривой носъ!“

Придворной запрепешалъ и считалъ себя уже мертвымъ; ибо Сулпанъ подъ смертною казнью запрешилъ говорить о носѣ великой Сулпанши. Индѣйской Камергеръ бросилъ Испину на дорогѣ и сказалъ: „одинъ дуракъ можетъ быть поварникомъ этой болтуньи!“

Она пришла къ городскимъ воровамъ, и спросила у человѣка, роду не знашнаго, гдѣ можно ей ночевать. Онъ повелъ ее къ себѣ въ домъ, и думалъ, что такая красавица будетъ для него кладомъ.

Хозяинъ *Истины* былъ Журналистъ, которой въ еженедѣльныхъ листахъ своихъ съ великимъ жаромъ и краснорѣчіемъ хвалилъ всѣхъ богатыхъ и знашныхъ людей; за что всякой разъ, когда приходилъ къ нимъ, обѣдалъ съ ихъ лакеями.

Неугомонная гостья разспроила весь мудрой планъ хозяина. Бѣдной человѣкъ съ утра до вечера прудился надъ Журналомъ: что же? *Испина*, не говоря ни

слова, смотрѣла на бумагу, и при концѣ каждой страницы смарывала все написанное. Прошелъ мѣсяцъ: не вышло ни листочка. Визирь разсердился, призвалъ Журналиста, и велѣвъ бѣдняку дать сто ударовъ палкою, дозволилъ ему оправдываться.

Славной писатель убѣдительно и краснорѣчиво доказалъ свою невинность; *въ слѣдствіе того* Визирь оппустилъ его домой, приказавъ ему дать еще сто ударовъ.

Такой прибавокъ удивитъ нѣкоторыхъ чипапелей; но Визирь былъ человѣкъ справедливой. Ему хотѣлось только благоприсойнымъ образомъ занять Журналиста, чптобы имѣть время схватить въ его домѣ *Истину*; есльи бы 99 ударовъ были для того доспапочноы, то онъ, изъ любви къ ближнему, никакъ бы не велѣлъ прибавить сопаго.

Вельможа, завладѣвъ *Истиною*, надѣялся поразить ею своихъ непріятелей; но узнавъ, что Султанъ будетъ къ нему въ гости, испугался слѣдствій его свиданія съ нескромною красавицею, и велѣлъ для общаго блага умертвить ее.

Четыре Эмира взяли и съ великою учпивостію задушили *Истину* шелковыми подушками; опрыскали ароматами бездушное тѣло ея, и бросили его въ самый уединенномъ мѣстѣ сада.

Многіе люди счидаютъ Истину мертвюю, потому что они задушили ее; но это ничто иное, какъ заблужденіе. Она всегда на чистомъ воздухѣ оживаетъ; и воскресшая красавица, пользуясь ночью темною, вышла изъ саду.

Она спряталась въ большую Библіотеку, гдѣ Брамины уже 5000 лѣтъ копили умъ человѣческой. Ночь была холодна, и для того *Истина* развела небольшой огонь; бросила въ него книгу, другую, третью — вдругъ пламя обняло всю Библіотеку — и бѣдная *Истина* насилу могла выбѣжать, взявъ съ собою пянь или шесть помовъ.

Библіотека сгорѣла. Знатные невѣжды смотрѣли на пожаръ и говорили съ улыбкою: „какъ весело!“ Надобно знать, что въ Индіи была всегда какая-то непонятная, тайная аншипатія между книгами и невѣждами.

Между шѣмъ Визирь велѣлъ объявить на всѣхъ перекресткахъ о побѣгѣ *Истины*. Ударили въ барабаны; послали всюду гонцовъ, чтобы схватить *Истину*, и предсавить живую или мертвую въ судилище — чего красавица наша всего болѣе спрашилась: ибо Индѣйскіе судьи крайне не любящъ бѣдной *Истины*.

Однакожь ей удалось благополучно выйти изъ города. Она увидѣла, близъ дороги, прекрасной домикъ съ маленькимъ садикомъ. Тутъ жилъ мудрой Пильпай. Истина вошла безъ всякаго опасенія, объявила свое имя и преревовала убѣжища.

„Искренность швоя мнѣ любезна,“ сказалъ Философъ: „но я боюсь за себя. Еспьши узнають, что ты здѣсь, то намъ обшмъ будетъ худо. Поди за мною.“ — Они по узкой лѣсницѣ взошли въ галлерей, кошорая сославляла верхній этажъ дома.

Тамъ въ большомъ порядкѣ распавлены были чучелы всѣхъ живошнихъ, какъ водится у басенниковъ. Пильпай, указывая на нихъ, сказалъ Истинѣ:

„Когда ты не умѣешь не прятаться, ни молчать, то тебѣ надбно преобразиться. Я могу посадить тебя во всякую чучелу, какую выберешь: она въ минушу оживится. Въ этомъ новомъ видѣ будешь говорить, сколько тебѣ угодно, и смѣло можешь сказать самому Визрю, что онъ употребляетъ во зло довѣренность Сулшана.“

Истина согласилась, и доказала ему свою благодарность. Геній Философа, воспламененный ея ревностію, озарилъ умы въ Индошпанѣ. Визря смѣнили, и Пильпай

занялъ его мѣсто. Онъ дожилъ до глубокой старости, наслаждался любовію сердцецъ; ибо въ Азіи всего долѣе живутъ люди отъ привычки дѣлать добро, которое есть тамъ самой цѣлебнѣйшей бальзамъ.

Примѣръ споль великаго щаспія произвелъ множество подражателей. Чеснолюбивые захопѣли, чтобы Философы раздѣлили съ ними славу *Басни* и наслѣдство Пильпаево; но *Истина*, видя ихъ намѣреніе, оспалась въ твореніяхъ мудрецовъ, а другихъ предала судьбѣ и безумному ихъ воображенію.

Съ того времени сочинители басенъ раздѣляются на два рода: одни хопящъ учить дружески, а другіе тиранствовать. Объявляя ихъ особенные признаки, мы оказываемъ человѣчеству важную услугу.

Одни громогласно зовутъ къ себѣ народъ, и съ высокаго мѣста кричатъ: „Рабы и невѣжды! внимайте *Истинѣ*; вѣрьте — или вы заодѣи!“

Другіе тихимъ голосомъ и съ покойнымъ видомъ говорятъ страннику: „доброй человекъ! еспьли ты веселаго нрава, то посмѣйся съ нами; мы расскажемъ тебѣ *басню*.“

(Изъ Decade.)

Къ несчастью *Глубомысловъ* болѣе скорѣ, нежели пронцапеленъ; слѣдуетъ первымъ своимъ идеямъ и часто обманывается въ догадкахъ. Но самолюбіе его такъ велико, что онъ никакъ не переимѣнитъ своего мнѣнія; напрошивъ, все толкуетъ въ его пользу; видитъ, что обманулся, но клянется, что угадалъ, и скорѣе докажешь ему всякую нелѣпость, нежели ошибку его.

Глубомысловъ женатъ. У жены его есть сестра, Графиня Н., молодая прекрасная вдова, съ которою она очень дружна и почти всякой день видится.

Однажды, возвращаясь домой, *Глубомысловъ* находилъ ихъ въ кабинетѣ однихъ. У своячины его заплаканы глаза. Видя его, онъ вдругъ вскакиваетъ, припворяюща веселыми; шумятъ. Графиня тихонько говоритъ сестрѣ: *рѣди Бога не сказывай мужу!* Мужъ подслушалъ — и голова его въ работѣ.

Какую тайну отъ него скрываютъ? Безполезно спрашивать у жены: она скромна; но нужно ли ему и спрашивать? Еще одно слово, одинъ взглядъ, и наблюдательный Геній его все узнаетъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ прѣзжаетъ къ Графинѣ, съ женою, которая, поцѣловавшись съ нею, спрашиваетъ:

возвратился ли онъ? — „Ахъ, нѣтъ!“ отвѣчаетъ сеспра: „вижу, что и надѣяться не должно. Такъ и бытъ!“

Вопросъ и отвѣтъ не показывали ничего таинственнаго; но для Глубомыслова все тайна, все оракуль. Онъ примѣшилъ въ хозяйкѣ глубокую, скрываемую печаль. Въ ея лѣпа что можетъ бытъ поному причиною, кромѣ невѣрнаго любовника, которой оставилъ ее?

Она нѣжна и чувствительна: безъ сомнѣнiя любила всею душею, сипраспно, и забывъ себя! *Глубомысловъ* шужитъ искренно о судьбѣ ея.

Теперь мнѣ хочется . . . Нѣтъ, не должно . . . Однакожь . . . Право не знаю . . . Читатели! признаюсь, что мнѣ извѣстна тайна молодой вдовы: сказали ли ее? Можетъ бытъ искусной повѣствователь нарочно скромностию своею увеличилъ бы ваше любопытство и неперѣнiе; но я думаю, что вы по крайней мѣрѣ сиполь же добродушны, какъ мой Герой, и вы конечно шужите о несчастной красавицѣ! Жертвую моимъ самолюбiемъ вашему спокойствию, и чипобы утѣшить васъ, сказываю заранѣе, что она за нѣсколько дней передъ тѣмъ потеряла любимаго, обожаемаго своего *Зефира*, по еспи Англiйскую собаку. Вы можете, вообра-

живъ нѣкоторыхъ дамъ изъ вашего круга, представивъ себѣ и ту горестъ, которую чувствовала нѣжная вдова, поперявъ невинный предметъ спрасни своей!

Глубомысловъ думаетъ совѣтъ не о собакѣ: это слишкомъ просно! Онъ ищетъ въпреника въ мысляхъ своихъ, и не находитъ. Своячина его живетъ уединенно, и почти никого не видитъ: шѣмъ яснѣе, что она влюблена! Когда человекъ любитъ, всѣ люди ему скучны, кромѣ предмета спрасни его.

Въ неперпѣнїи узнать скорѣе всѣ обстоятельства, онъ летитъ опять къ Графинѣ; смотритъ на нее съ великимъ вниманїемъ; вздыхаетъ; говоритъ загадками; даетъ чувствовать, что онъ видитъ ея горестъ; что жена не могла скрыть отъ него тайны. „Однимъ словомъ,“ сказалъ наконецъ *Глубомысловъ*: „я знаю, что мучитъ тебя, любезная сепра! и прѣхалъ съ тѣмъ, чтобы изъяснить мое сожалѣнїе; а еслили можно, что хотѣлъ бы и облегчить твою справедливую горестъ!“ — Да, смѣйся надомной! Я знаю, что вы, мужчины, не умѣете сожалѣть о такихъ несчастїяхъ. — „Я беру участїе во всемъ, что касается до моихъ друзей.“ — Впрочемъ брани меня за такую слабостъ; исправь, еслили

можешь; или, лучше сказать, я уже сама исправилась, и поклялась не имѣть въпредъ такихъ безразсудныхъ привязанностей . . . „Оспавимъ клятвы, нецѣлостной другъ мой! Развѣ и прежде не клялась ты?“ . . . — Это правда, два или три раза, теряя ихъ. — „Какъ? ихъ было у тебя не болѣе трехъ?“ — Довольно и эпова. — „Спало ты не любишь мѣняшь.“ — Нѣтъ, я постоянно, и никогда не отдаю ихъ другимъ. — „Увѣренъ.“ — Тѣмъ грустнѣе мнѣ бываетъ; и теперь навсегда отказываюсь отъ этой страсти. — „А я повторю еще разъ: оспавимъ клятвы!“ —

Сей разговоръ еще болѣе увѣрилъ *Глухомыслова* въ истинѣ догадокъ его.

На другой день увидѣлъ онъ въ кабинетѣ у жены распечатанное письмо сестры ея. Любопытство и великое желаніе видѣть, сколь прозорливосць его удивительна, побѣдили совѣсть — онъ взялъ и прочиталъ.

Послѣ увѣдомленія о цѣнѣ парика и лентъ, Графиня писала слѣдующее . . . (и каждое слово было ударомъ для нашего добродушнаго Героя!):

„Я боюсь, чѣобы любопытной мужъ пвой въ самомъ дѣлѣ не отгадалъ моей горести. Не уже ли ты изменила мнѣ?“

„Однакожь знай, что я нѣкоторымъ образомъ теперь утѣшилась. Съ неперпѣніемъ ожидаю той минуты, въ которую родится мой маленькой другъ... Въ моемъ сердцѣ заступитъ онъ мѣсто отца своего, котораго любила я такъ безразсудно. Дамъ ему его имя. Надѣюсь, что онъ будетъ такъ же прекрасенъ, какъ отецъ, но только вѣрнѣе его, и не оставитъ меня.“

На сей разъ *Глубомысловъ* огорчился. И такъ нѣтъ сомнѣнія въ моей догадкѣ! Нецѣлѣстная! въ какомъ состояніи ты имъ оставлена!... Жестокой человекѣ!... Но дѣло сдѣлано. Когда не лзя поправить его, то можно нѣкоторымъ образомъ облегчить судьбу. Графиня не богата: теперь я радъ своимъ деньгамъ, чтобы помочь ей!“

Веселясь такимъ великодушїемъ, онъ нанялъ загородной домъ, бабушку, лекаря — чуть было не купилъ и свивальника; но рѣшился прежде узнать, захочетъ ли Графиня пеленать своего младенца.

Взявъ всѣ мѣры, *Глубомысловъ* поѣхалъ къ ней. Трудно было приступить къ дѣлу. Онъ боялся спрогнать Графиню; боялся стыда ея; боялся даже предложить ей свои услуги. Будучи отъ природы великодушенъ, онъ хотѣлъ всегда

обязывать людей съ оспорожною скромностію.

И такъ *Глубомысловъ* началъ опять говорить объ ея несчастіи, о печальномъ его слѣдствіи Какъ! ты еще думаешь объ этомъ? сказала Графиня съ улыбкою. — Какъ не думать! опвѣчалъ онъ: воображаю себя на твоемъ мѣстѣ; и у меня бывали подобныя горести. — „У тебя? можно ли? ты человекъ разсудительной!“ — И попому снисходителенъ къ слабостямъ. Ради Бога скажи, любезная сестра, не нужно ли тебѣ для разсѣянія перемѣнить мѣсто? Не лучше ли выѣхать на нѣсколько времени за городъ? Мы вздумали съ женою нанять загородной домъ. — „Благодарю. Я буду къ вамъ прѣзжать; но мнѣ надобно теперь жить въ городѣ.“ — Не совѣтую. Люди, публика могутъ узнать причину твоей горести. — „Какая мнѣ нужда? Я не хочу шайтаться. Пусть говорятъ, что кому угодно!“ — Это очень рѣшиительно; но и для самаго здоровья твоего будешь нуженъ чистый воздухъ и покой. — „Я не безумная, чтобы занемочь отъ шакого горя.“ — Однакожь, въ твоемъ положеніи „Въ моемъ положеніи? Что хочешь ты сказать?“ — Тебѣ извѣстно, что я догадаливъ. — „Пусть такъ: что

же ты угадалъ?“ — Известно и то, что я люблю тебя сердечно; следовательно спую такой довѣренности. — „Какой же? въ чемъ?“ — Признайся . . . извини, сестрица; но должно наконецъ сказать прямо . . . Признайся, что ты . . . брюхапа (примолвилъ онъ тихимъ голосомъ, пошупивъ глаза въ землю) . . . „Я скорѣе признаюсь, что ты сошелъ съ ума!“ сказала Графиня съ удивленіемъ: „съ чего ты взялъ?“ — Кстапи запираешься! Ты писала къ моей женѣ; я читалъ твое письмо; и еслили надобно все сказать, то знай, что для тебя нанятъ уже загородной домъ, и что ты непременно должна въ немъ родить! — „Скажи, что съ тобою сдѣлалось? Какой вздоръ!“ . . . Не сердись, не сердись, любезной другъ! Посмотри: вотъ твое письмо! для чего не открылась брату, которой любить тебя?

Графиня взглянула на письмо, захохотала, выбѣжала изъ комнаты и черезъ минуту возвратилась, неся въ прекрасной корзинкѣ маленькаго Англійскаго щенка. — „Вотъ онъ!“ сказала она, умирая со смѣху: „вотъ сынъ, которой въ сердцѣ моемъ займетъ мѣсто отца! Княгиня Н. Н., прежняя Госпожа моего Зефира, которой ушелъ отъ меня, обѣщала

подаришь мнѣ его щенка, и я объ немъ
жисала! . . . Сестра хопѣла шупить надъ
шобою; или это, любезной мой брашецъ,
есть одна изъ собственныхъ пвоихъ чу-
десныхъ догадокъ, всегда справедливыхъ,
несомнительныхъ!“ . . .

Глубокомысловъ ужаснулся; самолюбіе
его страдало, но не долго . . . онъ вско-
чилъ и ушелъ, говоря себѣ подъ носъ:
„она довольно хипро провела меня; одна-
кожь я видѣлъ по глазамъ ея, что это
обманъ, обманъ! Тушъ кроется шайна,
и я скоро опгадаю испину!“

(СѢ Француз.)

III.

Письмо Парижскихъ музыкантовъ къ Гайдену.

Французскіе Артисты, восхищенные
красотами безсмертнаго *Творенія міра* (*),
изъявляютъ славному Сочинителю искрен-
нюю свою благодарность, и просятъ, что-
бы онъ, въ знакъ ихъ почтенія и энпу-
зіазма, принялъ сію золотую медаль. Сей

(*) Эта Орапорія извѣстна Московской Шубли-
кѣ. — Парижскіе Журналисты смѣялись надъ
пышнымъ слогомъ сего письма.

великій творецъ ежегодно новыми произведеніями удивляетъ Артистовъ, просвѣщаетъ ихъ, умножаетъ успѣхи Искусства, расширяетъ неизмѣримые предѣлы гармоніи, и доказываетъ ихъ безконечность, къ украшенію настоящаго и къ обогащенію вѣковъ грядущихъ. Но высокая мысль новой Орапоріи еще превосходитъ всѣ произведенія великаго Автора, которыми онъ донынѣ удивлялъ Европу. Изображая въ семъ твореніи *лучъ свѣта*, Гайдень изобразилъ самого себя, и доказалъ намъ, что имя его будетъ сіять, доколѣ не зашмишся навѣки свѣтило дня, котораго лучи онъ, кажется, себѣ присвоилъ. Опидавая справедливостъ искусству и талантамъ гражданина Гапо, которой споль удачно исполнилъ наше желаніе и вырѣзалъ сію медаль въ честь безсмертнаго Гайдена, мы должны похвалить и благородное его безкорыстіе: онъ не копѣлъ за трудъ свой ничего, кромѣ славы, имѣ чрезъ то заслуженной.

IV.

Л У Д О В И К Ъ XVI,

описанный Гм. Сулави ().*

Дофинъ, сынъ Людовика XV, нѣсколько лѣтъ прилѣжно занимался воспитаніемъ дѣтей своихъ: Герцога Берри (**), Графа Прованскаго и д' Арпуа.

Послѣдній съ самаго младенчества былъ живаго характера, вѣтренъ, непослушенъ и любилъ забавы. Графъ Прованскаго не имѣлъ въ себѣ ничего опимѣннаго; но Герцогъ Берри показывался всегда тихимъ, важнымъ, скромнымъ — не участвовалъ ни въ какихъ шумныхъ играхъ, никогда не аталъ, и любилъ всего болѣе россвапъ ландкарты или занимался слесарнымъ искусствомъ.

Дофинъ отличалъ его отъ другихъ дѣтей, и Мадамъ Аделаида, копорая также была къ нему привязана, часто говорила ему въ шулку: „ради Бога будь смѣлѣе, Берри! шуми, кричи, какъ брапъ, швой д' Арпуа; перебей весь мой фарфоръ, да будь только живѣе!“ — Но Берри краснѣлся и молчалъ.

(*) Переводъ изъ его Mémoires, недавно вышедшихъ въ Парижѣ.

(**) То есть Людовика XVI.

Учителями его были Лиможской Епископъ Конлозоке, человекъ справедливой, добродушной, но слабой до крайности — и Герцогъ Ла-Вогюнь, человекъ опытной, знавшій Дворъ и людей, другъ тайный Иезуитовъ и всѣхъ фанатиковъ; онъ произвелъ въ Король ненависть къ Герцогу Шуазёлю.

Когда Герцогъ Берри сдѣлался Дофинемъ, то Мадамъ Аделаида хотѣла ввести его въ Совѣтъ, чтобы онъ узналъ дѣла; но Лудовикъ XV не соглашался, хотя часто говорилъ: „мнѣ хотѣлось бы видѣть, какую роль можетъ играть „Берри въ Совѣтѣ!“ Сей молодой Принцъ спрашивалъ его иногда о дѣлахъ; но Король не отвѣчалъ ему.

Робость, благодѣтельность и скромность были главными свойствами Дофина. Онъ не терпѣлъ лести, слушалъ жалобы несчастныхъ, любилъ смотрѣть за работниками во дворцѣ и въ саду, часто самъ трудился съ ними, паскалъ бревна и камни; почилъ, и никакому слесарю не уступалъ въ снальныхъ работахъ. Когда онъ съ черными руками приходилъ къ Дофинѣ, то она въ шутку называла его своимъ Вулканомъ. Эту невинную забаву вмѣнили ему послѣ въ преступленіе!

Царствованіе Лудовика XV наконецъ такъ наскучило Французамъ, что они по смерти его прозвали Лудовика XVI *вождемъ ннмъ*. Это не нравилось старымъ царедворцамъ, которые и другихъ уговоряли называть Короля *благодѣтельнымъ*. Стихотворцы приняли сіе послѣднее имя. Самъ Лудовикъ, будучи еще Принцемъ и видя общее распущенство Двора, говаривалъ, что ему будетъ всего пріятнѣе называться *строгимъ*; но съ легкомысленными Французами онъ не могъ успѣть въ своемъ намѣреніи.

Лудовикъ XVI былъ недовѣрчивъ къ придворнымъ и не любилъ знаменитыхъ. Царская власть не льстила ему, но казалась бременемъ. Онъ уважалъ славу Дома своего, и боялся помрачить ее; помнилъ всегда наставленія отца, не любилъ Австрійской Политики, и во всю жизнь спорилъ о томъ съ Марією, хотя впрочемъ былъ самымъ нѣжнымъ ея супругомъ.

Лудовикъ восшелъ на престолъ девятнадцати лѣтъ; не имѣлъ ни малой склонности къ женщинамъ; убѣгалъ опасныхъ красавицъ, и Французы говорили: „развѣ въ немъ не Бурбонская кровь? онъ „будетъ таковъ же, какъ и предки его, когда

„доживетъ до 40 лѣтъ, и когда Марія „Антуанета наскучитъ ему.“

Въ Королѣ оказалась одна страсть къ звѣриной ловлѣ. Я видѣлъ въ его внутреннихъ комнатахъ шесть большихъ досокъ, на которыхъ означено было число заспѣленной имъ дичи во все время его Дофинства и царствованія. — Сии комнаты расположены были такимъ образомъ: небольшая зала, убранная эстампами, ему поднесенными, и барельефами, изображающими Бургонской каналь и Шербурскія работы; другая зала, наполненная сферами и всякаго рода математическими орудіями (надобно знать, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ Географовъ Европы и всѣхъ удивлялъ своею памяшью); въ прешней спояло нѣсколько покарныхъ спанковъ, полученныхъ имъ въ наследство отъ Лудовика XV (онъ самъ чистилъ ихъ всякой день); въ четвертой были книги, вышедшія во время его царствованія; въ пятой библіотека дѣда его, молишвенники Франциска I, Лудовика XIV, и проч. Онъ всегда любовался Дидоповыми изданіями; радовался, что въ его время книгопечатаніе дошло до такого совершенства; и всякая Дидотова книга лежала у него въ особливомъ сафьянномъ футлярѣ. Онъ собиралъ Англійскія

книги, и Парламентскіе споры, напечатанные въ листъ, занимали нѣсколько полокъ въ его кабинетѣ. Тутъ же хранились въ манускриптѣ всѣ планы, какъ можно сдѣлать высадку въ Англіи, большая куча бумагъ, съ собственною его надписью: *тайныя записки моей фамиліи объ Австрійскомъ Домѣ — мои фамильныя бумаги о Стюартскомъ и Ганноверскомъ Домѣ*. Въ другомъ ящикѣ лежали записки о Россіи, извѣстной Рюльеровъ манускриптѣ и примѣчанія на характеръ и царствованіе Великой ЕКАТЕРИНЫ, запечатанные собственною Королевскою печатью.

Надъ Королевскою библіотекою сдѣлана была кузница съ двумя наковальнями, гдѣ Лудовикъ работалъ съ масперомъ своимъ Гаменемъ, которой послѣ сдѣлался его предателемъ и дерзнулъ сказать, будто бы Король хотѣлъ отправить его ядомъ. Сей негодной и грубой человѣкъ обходился съ нимъ въ самомъ дѣлѣ какъ съ ученикомъ; онъ былъ его повѣреннымъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ; и когда народное Собраніе послало насъ въ Версальской Дворецъ, то Гамень указалъ намъ тайной ящикъ, гдѣ хранилась извѣстная *красная книга* (*), присланная къ нему Королемъ изъ Парижа; изъ чего можно

(*) Книга тайныхъ расходовъ.

заклучить, что несчастный Лудовикъ надѣялся возвратиться въ Версалю.

„Король былъ добръ, терпѣливъ, робокъ и любопытенъ,“ говорилъ Тамень: „любилъ спать, а еще болѣе дѣлать замки; уходилъ отъ Королевы и придворныхъ, чтобы пилить и ковать со мною; боялся людей, боялся ихъ насмѣшекъ, и мы съ величайшею тайносною упражнялись въ нашемъ дѣлѣ.“

Надъ кузницею былъ бельведеръ, гдѣ часто Лудовикъ саживалъ на креслахъ и смотрѣлъ въ трубку на Парижскую дорогу и на окрестности. Онъ сердечно любилъ Дюрена, своего камердинера, коимъ осприлъ его инструменты, наклеивалъ ландкарты, и выбиралъ ему по глазамъ лорнеты. Сей добродушный Дюретъ и другіе слуги не могутъ безъ слезъ говорить о немъ.

Лудовикъ до 24 лѣтъ былъ слабого здоровья, но вдругъ началъ полнѣть и сдѣлался наконецъ удивительнымъ образомъ силенъ. — Онъ соединялъ въ себѣ двухъ человекъ; былъ уменъ и свѣдушъ, но чрезвычайно слабъ въ разсужденіи воли своей; зналъ весьма твердо исторію своей фамиліи и первыхъ домовъ Франціи; онъ самъ написалъ прекрасное наставленіе для путешествія Ла - Перузова,

за которое Министръ похвалилъ Академію, думая, что она сочинила его.

Лудовикъ могъ поимншь удивительное множество чиселъ и мѣспъ. Однажды Министръ показалъ въ расходѣ два раза одну сумму. „Это было уже въ прошлогоднемъ счепѣ,“ сказалъ Король: „справьшесь, и вы увидите свою ошибку.“

Всякая несправедливость прогала его до глубины сердца; тогда онъ выходилъ изъ себя, бранился и требовалъ немедленнаго повиновенія; но въ важныхъ дѣлахъ не умѣлъ ни *хотѣть*, ни *повелѣвать*. Лудовикъ на пронѣ былъ самое то, что многіе люди въ обществѣ: не имѣлъ собственнаго о вещахъ мнѣнія, полагался всегда на какого нибудь Министра, и хотя чувствовалъ, что въ Совѣтѣ говорилъ справедливѣе другихъ, но не смѣлъ сказать: *я считаю лучшимъ то или другое мнѣіе*. Вотъ причина всѣхъ бѣдствій Франціи! Сперва былъ у него въ довѣренности Морепа, а потомъ Вержень; но шунъ, къ несчастію, начала мѣшаться въ дѣла Королева; съ 1782 года, еще къ большему несчастію, онъ слушался разныхъ; не могъ пользоваться совѣтомъ добродѣтельныхъ; зналъ людей только по книгамъ, и долженствовалъ управлять народомъ испорченнымъ! Числая, непороч-

„думая о предметѣ кровопролитія, въ
 „изступленіи своемъ веселился общимъ
 „бѣдствіемъ.

„Между шѣмъ внутри чертоговъ раз-
 „давалось стenanіе, царствовалъ мятежь
 „и безпорядокъ. Монарху представляли,
 „что онъ долженъ показать себя достой-
 „нымъ великихъ предковъ своихъ; что
 „самое опчаяніе должно быть его крѣпо-
 „стію; что войны еще вѣрны, и народъ
 „не врагъ ему; что самое ужасное для
 „него бѣдствіе есть то, въ которое
 „онъ самъ себя ввергаетъ; что смерть
 „можетъ быть слѣдствіемъ его обороны,
 „но что и покорность не спасетъ его
 „жизни; что отъ него зависитъ выборъ:
 „умереть отъ руки палача, или на полѣ
 „чести.

„Монархъ не внималъ отважнымъ и
 „рѣшительнымъ совѣшамъ; но сердце его
 „спрадало за дѣтей и супругу. Мысль,
 „поручить ихъ жизнь милосердію раздра-
 „женного сопротивленіемъ непріятеля,
 „ужасала его. Окруженный семействомъ,
 „вышелъ онъ изъ чертоговъ въ печальной
 „одеждѣ, въ глубокой горести. За нимъ не-
 „сли (подобно какъ на погребеніи) сына
 „его, еще младенца. Тщепно нѣкоторые
 „изъ народа изъясляли чувствительность

всѣ прекрасныя Фенелоновы идеи, по онѣ прославилъ бы Францію и себя.

Министры писали для него рѣчи, но онѣ поправлялъ ихъ, искалъ всегда *собственнаго*, лучшаго слова, и находилъ его; но въ письмахъ не думалъ никогда о правильности выраженій.

Лудовикъ не любилъ красиваго Неккера слога и не терпѣлъ бранныхъ выраженій Министра Морепа. На многихъ предложеніяхъ, ему поданныхъ, видѣлъ я надпись его руки: *не годится*; а на другихъ писалъ онѣ свои замѣчанія, которыя доказываютъ, что разумъ его предвидѣлъ будущее. Нещастный! въ одномъ мѣстѣ онѣ написалъ, что еслии исполнить *такое и такое* предложеніе, то Монархія погибнетъ; а черезъ нѣсколько времени согласился на оныя въ Совѣтѣ!

Лудовикъ удалилъ Тюрго, Мальзерба, С. Жермена, Неккера, Калоня, Ломери, для того, что онѣ предвидѣлъ нещастныя слѣдствія ихъ системы. Упрямой Тюрго, видя, что его планы не исполняются, въ горячности написалъ къ нему, что Король, управляемый придворными, не минуешь судьбы Карла I или Карла IX. Я самъ видѣлъ сіе письмо. Лудовикъ положилъ его въ пакетъ, запечаталъ и написалъ: *письмо господина Тюрго*.

Однажды Графъ д' Артуа хотѣлъ удариться съ нимъ объ закладъ, и предложилъ тысячу луидоровъ. Я не такъ богатъ, какъ ты," отвѣчалъ ему Король: „экую, естли угодно, могу проиграть тебѣ, а не болѣе.“ Узнавъ, сколько Г. д' Анжевилле издержалъ на опдѣлку нѣкопрыхъ комнатъ во дворцѣ, Лудовикъ разсердился, и сказалъ: „я оццастливилъ бы эту сумму придать семействѣ!“

Доска, съ надписью *Refugereit* (*воскресѣ*), которую при его восшествіи на пронъ прибили ко стѣнѣу Генриха IV, унѣвила его несказанно. *Прекрасно, прекрасно!* говорилъ онъ: *самъ Тацитъ не могъ бы сказать сильнѣе и короче.* Черезъ нѣсколько времени шайные злодѣи Двора сняли эту доску и прибили ко стѣнѣу ненавистнаго Лудовика XV. Король, узнавъ о томъ, залился слезами, ушелъ въ свою комнату и занемогъ лихорадкою. По сему можно судить, сколь чувствительного было нѣжнему сердцу его, когда въ началѣ Революціи народъ кричалъ, что Король не любитъ его!

Лудовикъ съ самаго младенчества привязанъ былъ къ Религіи; но Тюрго вселилъ въ него равнодушіе къ церковнымъ распрямъ и терпимостъ въ разсужденіи несогласныхъ вѣръ. Революція сдѣлала его еще гораздо набожнѣе.

Я читалъ всѣ бумаги Людовика XVI, и долженъ по любви къ истинѣ сказать, что каждое слово, имъ написанное, доказываетъ ревность его ко благу Франціи.

V.

Письмо изъ Парижа.

Ежемесячная картина Парижа съ нѣкотораго времени представляеть только однѣ новыя опшѣнки, едва замѣтныя. Уже прошли (къ утѣшенію добраго сердца!) тѣ времена, когда всякой мѣсяцъ, всякая недѣля заключала въ себѣ особенное приключеніе или грозила новымъ ударомъ; когда всякая публичная рѣчь, всякая новая книга была пророчествомъ бури. Привычка къ сильнымъ движеніямъ и всеобщая усталость шрохладили насъ даже къ самымъ важнымъ вещамъ; но за то сохранили мы въ цѣлости наше старинное *Парижское* любопытство къ бездѣлкамъ.

На примѣръ, очень мало занимаясь открытіемъ Амьенскаго Конгреса, новымъ гражданскимъ уложеніемъ и блестящимъ изображеніемъ Ресублики, представленнымъ Законодательному Совѣту, мы говоримъ съ великимъ жаромъ — о новой

голубой ливреѣ съ серебрянымъ галуномъ, въ которую Бонапарте нарядилъ своихъ лакеевъ; и замѣчаемъ, что прежніе Королевскіе Шталмейстеры были точно такъ одѣты!

! Вообще Консулъ вводитъ большую придворную пышность. Насмѣшники говорятъ, что эта слабость весьма свойственна и новымъ богачамъ, и новымъ дворянамъ, и новымъ Царямъ!

Дюрокъ, объѣздивъ весь сѣверъ, въ награду за труды свои будетъ (какъ говорятъ) пожалованъ въ *начальники Консульскаго замка*, *gouverneur du palais des Consuls*. Это новое мѣсто напоминаетъ чинъ прежнихъ начальниковъ Фонтенблосскаго и Компіенскаго дворца.

До сего времени единственнѣйшимъ Консульскимъ Церемонимейстеромъ былъ Совѣтникъ Бенезекъ: онъ принималъ иностранныхъ Министровъ, разсылалъ билеты для приглашенія къ Консульскому обѣду, и проч. Теперь Бенезекъ отправленъ въ С. Доминго для важнѣйшаго дѣла, то есть для гражданскаго устройства сей Колоніи; а должность его поручена чепыремъ *Префектамъ замка*, изъ которыхъ двое должны быть съ Консуломъ при всякой церемоніи, или при вся-

комъ чиновномъ представленіи. Когда Бонапарте присутствуетъ въ Совѣтѣ, одинъ изъ Префектовъ сидитъ за его креслами. Имъ опредѣлено жалованья по 25 тысячъ франковъ въ годъ (около 8500 рублей). Бонапарте выбралъ для сей должности такихъ людей, которые по своему прежнему сосоянію знаютъ свѣтъ и *хорошій тонъ*.

Два рода людей не довольны Консульскою пышностію: несчастные, презрѣнные и достойные презрѣнія Якобинцы и жаркіе Роялисты. Первые хотѣли бы, чтобы Консулъ жилъ въ хижинѣ, ходилъ въ замаранномъ сертукѣ и самъ отворялъ двери для проходящихъ; а вторые думаютъ, что онъ не великими своими дѣлами и не мудрымъ правленіемъ, а пышностію утверждаетъ Консульскій тронъ свой, и слѣдственно оппниваетъ у нихъ надежду видѣть *контрѣ - революцію!*

Бонапарте, возстановивъ Религію, заслужилъ похвалу Европы. Вольнодумцы и ши кричали, что онъ хочетъ быть врагомъ терпимости и признавъ Каполическую Религію единственною и государственною. Они ошиблись: Консулъ только для самого себя предпочитаетъ вѣру отцовъ нашихъ, и Правительство, назначая жалованье для Каполическаго Духо-

венства, опредѣлитъ содержаніе и для Протестантскаго; слѣдственно у насъ нѣтъ *исключительной* Религіи. Такъ называемый *Конкордатъ* (или дружелюбное условіе съ Папою) будетъ скоро предложенъ Законодательному Совѣту для утвержденія. Папа даетъ Консулу право наименовать всѣхъ Епископовъ Франціи. — Бонапарте возобновляетъ придворную Тюлерійскую церковь и выписываетъ для нее изъ Италіи музыкантовъ.

Правительство съ великою ревностію занимается исправленіемъ дорогъ, и не жалѣетъ денегъ; но по сіе время ошдѣлана только одна Амьенская дорога.

Въ Парижѣ еще не много знаменитыхъ чужестранцевъ. Консулъ весьма учтиво и ласково обходится съ Англичанами. За нѣсколько дней передъ симъ сказали ему въ спектаклѣ, что цѣлая ложа наполнена Англичанами. Онъ хотѣлъ знать имена всѣхъ, и услышавъ, что между ими былъ Милордъ Броунъ, велѣлъ позвать его къ себѣ въ ложу, хотѣя и не зная его лично.

Графъ Румфордъ, славный въ Европѣ изобрѣшеніемъ экономическаго супа для бѣдныхъ, теперь въ Парижѣ, и вмѣстѣ съ Министромъ внутреннихъ дѣлъ осматривалъ наши благодѣтельные заведенія.

Всего болѣе хвалилъ онъ такъ называемый *домъ призрѣнiя*, снова открытый, и въ самомъ дѣлѣ достойный удивленiя всѣхъ друзей человѣчества. Госпожа Дюло есть начальница его. Множество прекрасныхъ молодыхъ дѣвицъ, пылающихъ ревностiю добродѣтели, учатся тамъ искусству ходить за больными и приготавливать лекарства; послѣ чего главная надзирательница отправляетъ ихъ служить человѣчеству въ разныя больницы. Одна Религiя можетъ вселять такую героическую ревность въ женскія, нѣжныя души! Сiи дѣвицы, называемыя *сестрами милосердiя*, носятъ монашеское платье, но не постригаются, и могутъ возвратиться въ свѣтъ; однакожь рѣдко пользуются этою возможностiю. Бонапарте воскресилъ сей благодѣтельный Орденъ; госпожа Дюло была еще прежде Революцiи его начальницею; теперь у нее болѣе шестидесяти ученицъ.

Изъ всѣхъ нашихъ театровъ самый лучший есть такъ называемый *Французскiй Театръ*, представляя славнѣйшiя произведенiя нашей Драматической Музы и соединяя въ себѣ лучшiе актерскiе таланты. Бонапарте бываетъ въ немъ чаще, нежели въ другихъ. Тальма 8 или 10 лѣтъ былъ единственнѣмъ славнѣмъ.

актеромъ въ трагедіи: теперь молодой человекъ двадцати-трехъ лѣтъ, именемъ Лафонъ, превосходитъ его въ сильныхъ движеніяхъ сраспи, играя роль Оросмана и Танкреда. Госпожа Конпа, Моле и Флѣри совершенны въ Комедіи; знатки говорящъ, что никто изъ прежнихъ актеровъ въ семь родъ не можетъ съ ними равняться. — Здѣсь открылся и Нѣмецкой театръ. Актеры посредственны, зала дурна и холодна, но музыка прекрасна.

Нынѣшняя Парижская роскошь описывается еще Революціею и показывается дурной вкусъ новыхъ богачей, обнаруживаясь всего болѣе въ платьи и въ домашнихъ приборахъ. Мы надѣемся, что блескъ Правленія и спеченіе знаменитыхъ иностранцевъ возвращатъ намъ прежній лучший вкусъ въ жизни. Говорящъ, что въ нынѣшнюю зиму откроются здѣсь разные *хорошіе дома*, въ которыхъ, послѣ всѣхъ Якобинскихъ превогъ, мы снова будемъ учиться свѣтскимъ тонкостямъ.

Въ модахъ нашихъ мало переменъ. Только съ нѣкопорого времени мужчины уже менѣе подражаютъ Англійскимъ модамъ и выдумываютъ Французскія; а женщины слѣдуютъ вдохновенію своего вкуса, и каждая отличаетъ отъ другихъ какими

нибудѣ оппѣнками ея собственнаго избрѣшенія.

Литпература наша состоитъ вся въ Журналахъ. Однакожь намъ обѣщаютъ и нѣсколько книгъ; между прочими сочиненіе *бывшаго* Маркиза Бонналя о *разводѣ*, слѣдственно *противъ* развода: ибо у насъ теперь въ модѣ опвергать его. Вотъ чѣмъ говоритъ о семъ произведеніи полкъ чело-вѣкъ, который едва ли не всѣхъ лучше пишетъ нынѣ по - Французски (*):

„Чтобы лучше изобразить предметъ
„свой, Г. Бонналь объемлетъ всѣ части гра-
„жданской системы. Давно уже не находили
„мы въ сочиненіяхъ такой силы и основа-
„тельности. Мысли Автора принадлежатъ
„къ высочайшей Философіи; Логика его
„разительна, а въ послѣднихъ главахъ
„онъ торжесивуетъ краснорѣчіемъ, опро-
„вергая разводъ умомъ и чувствительно-
„сію. Кажется, что важныя политическія
„общественства имѣютъ силу произво-
„дить великіе таланты: теперь Законо-
„дательный Совѣтъ долженъ разсуждать
„о важнѣйшемъ предметѣ гражданскаго

(*) Думаю, что Авторъ письма говоритъ о Фонпанѣ, который еще и во время Вольперова извѣстенъ былъ своимъ переводомъ *Опыта о челоѣкѣ*. Французы при всякомъ случаѣ жалу-ются, что у нихъ нынѣ мало хорошихъ писа-телей.

„общества, и въ то самое время является
 „новой Авшоръ, который рѣшилъ вопросъ
 „самымъ удовлетворительнымъ образомъ,
 „и первымъ своимъ твореніемъ равняется
 „уже съ нашими славнѣйшими Писате-
 „лями.“
 (Изъ Мод. Маг.)

VI.

Король Цесарь, Негръ въ Америкѣ.

Томасъ Кошинъ, Издапель Американскихъ вѣдомостей, подъ именемъ The Salem Gazette, въ Іюль мѣсяцѣ прошедшаго года пишетъ, что „морской Капитанъ Маршъ, находящійся въ службѣ Соединенныхъ Американскихъ Облаетей, въ Іюнѣ мѣсяцѣ привезъ съ собою въ Новый Йоркъ одного путешественника, которой рассказываетъ слѣдующій любопытный анекдотъ :

„За пять лѣтъ передъ симъ со многими другими невольниками привезли изъ Африки въ Нью-Провиденсъ одного Негра, которой называлъ себя Королемъ Цесаремъ, и отличался умомъ, рѣдкими способностями и твердостью. Онъ былъ начальникомъ небольшого Африканскаго народа, воевалъ съ сосѣдственнымъ Коро-

„лемъ, и попался въ плѣнъ непріятелю,
 „которой продалъ его Англійскому Капи-
 „тану, а сей Американекому купцу. Це-
 „сарь не могъ сносить рабства, и скоро
 „ушелъ въ лѣса вмѣстѣ съ другими не-
 „вольниками, которые выбрали его въ свои
 „предводители. Онъ поселился въ самомъ
 „непреходимомъ мѣстѣ лѣса, вырылъ пе-
 „щеры, и окружилъ ихъ глубокими рвами;
 „жилъ какъ независимой Царь, господ-
 „ствовалъ, и часто съ Неграми своими
 „опустошалъ ближнія селенія.

„Прошло такимъ образомъ года че-
 „тыре. Губернаторъ Багамскихъ острововъ
 „обнародовалъ, что все Негры, живущіе
 „въ лѣсахъ, могутъ возвратиться безъ
 „всякаго опасенія къ господамъ своимъ,
 „и не будутъ наказаны. Это объявленіе
 „не произвело бы никакого дѣйствія,
 „если бы Губернаторъ не прибавилъ,
 „что всякой Негръ, который представитъ
 „ему Цесаря, живаго или мертваго, полу-
 „читъ вольность и 1000 *долларовъ* награ-
 „жденія. Такое обѣщаніе покосѣвало одного
 „изъ товарищей Цесаревыхъ: онъ долго ис-
 „калъ возможности, и наконецъ застрѣлилъ
 „его въ уединенномъ мѣстѣ. На другой день
 „пѣло страшнаго Цесаря было принесено
 „въ Нассау, и жили неслыханно обра-
 „довались. Однакожь нѣкоторые жалѣли

„объ немъ какъ о рѣдкомъ, удивительномъ
 „человѣкѣ, достойномъ лучшей доли.

„Смерть его привела въ ужасъ всѣхъ
 „его товарищей; они оставили свой укрѣ-
 „пленной станъ и разбѣжались. Съ того
 „времени жили Нассавскіе съ великимъ
 „любопытствомъ ходящъ въ этотъ мѣсяцъ,
 „удивляясь жилищу Цесаря. Онъ сдѣлалъ
 „намъ совершенную крѣпость, а въ пеще-
 „рахъ маленькіе домики. Въ одной изъ нихъ
 „нашли собственноручныя чертежи,
 „которыя весьма правильно изображали
 „разныя укрѣпленія, и (что еще любо-
 „пытнѣе) большую кипу манускриптовъ,
 „непонятныхъ жителямъ.

„Путешественникъ, которой все это
 „разсказывалъ, подарилъ Издателю вѣдо-
 „мостей одинъ изъ сихъ манускриптовъ.
 „Г. Кошинъ приглашаетъ Американскихъ
 „Ученыхъ изслѣдовать эту любопытную
 „рукопись. Ему кажется, что буквы ея
 „похожи на Кипайскія.“

ОСТРОВЪ СВЯТОЙ ЕЛЕНЫ.

*Письмо Англійскаго путешественника
къ другу его.*

Я пишу къ тебѣ изъ земнаго рая. Вообрази себѣ между Африки и Америки, среди Океана, въ опдаленіи отъ земли, прекрасный садъ, имѣющій въ окружности евоей верстѣ двадцать, разведенный въ отвѣрстіяхъ скалы, неприступной со всѣхъ сторонъ, кромѣ одного мѣста! Время покрыло гранины распахельною и весьма плодоносною землею фуца на полтора въ глубину; и на ней распутъ дерева померанцевыя, фиговыя, гренадныя, кофейныя, среди пшеницы, всякихъ поваренныхъ травъ, Американскихъ и Европейскихъ плодовъ. Подлѣ цвѣтущаго дерева предспавляется глазамъ того же роду другое, на которомъ плодъ зеленѣеть, и шретье, на которомъ онъ уже созрѣлъ; кругомъ же возвышаются горы, видимыя за сто верстѣ съ моря, и покрыныя вѣчно — зелеными деревьями. Издали сей островъ кажется островомъ Калипсы; а спушивъ на него, путешественникъ ду-

имашь, что сердце его сыскало наконецъ
обишеть мира и щастія,

Гдѣ взоръ бываеть вѣчно свѣшель,
И сердце дремлетъ въ пишинѣ;
Забошъ печальный вѣспникъ, пѣшель,
Не будишь щаспливыхъ во снѣ!

Воздухъ чистъ, небо ясно, все покойно
и весело. Здоровье цвѣшетъ на лицѣ жи-
телей: и здѣшнихъ уроженцевъ, и пѣхъ,
которыя, будучи изнурены климатомъ
воспочнои Индіи, прѣзжаютъ сюда ле-
читься въ обѣщаныхъ кропкой Намуры.
То же дѣйствіе видно и на самыхъ Нег-
рахъ, или, лучше сказать, Мулапахъ (*):
ибо давно уже запрещено впускать Не-
гровъ въ сію щаспливую Колонію, и все-
гдашнее соединеніе двухъ родовъ болѣе и
болѣе испребляетъ Африканскую черношу
кожи. Дѣти, происходящія отъ сихъ бра-
ковъ, не только бываютъ оптимѣнно строй-
ны, не только удивляютъ рѣдкою правиль-
ностію во всѣхъ чертахъ; но и самую
свѣжестію розоваго лица, на которомъ
мелькаютъ смуглыя оппѣнки, могутъ
прельстить глаза Европейца. Красавицы
Мулапскія показались бы еще пріятнѣе,
если бы не затемняли ихъ дочери Евро-

(*) Смѣсь Негровъ съ Европейцами.

нейскихъ колонистовъ — женщины несравненные! Я не могу говорить объ нихъ безъ восторга. Представь себѣ, любезной другъ, красоту Черкешенокъ, милостивость Англичанокъ, Европейскія пріятности и невинность Папрѣархальной жизни: въ нихъ все найдешь!

Въ какихъ обстоятельствахъ и въ какое время не захопѣлъ бы человекъ видѣть такое благословенное мѣсто! Но съ какою же радостію выходишь на сей берегъ путешественникъ, копорой проплылъ восемь или девять тысячъ верстъ, долгое время не видѣвъ ничего, кромѣ неба, волнъ морскихъ и скучнаго корабля своего! За то всѣ мореплаватели на пути въ Индію, или возвращаясь въ Европу, пристаютъ здѣсь, чтобы запасись всякаго рода зеленью и мясомъ. Бываетъ, что жители (по есть, 300 или 400 семействъ и 500 человекъ Англійскаго гарнизона), продавъ имъ почти всю скотину, сами нѣсколько времени терпятъ недоспавокъ въ свѣжемъ мясѣ. Но щедрая Природа скоро надѣляетъ ихъ новымъ избыткомъ; ибо здѣшній климатъ благопріятствуетъ скоповодству. На примѣръ, въ Англіи бьютъ быковъ пяти лѣтъ, а здѣсь трехъ. Иногда отъ засухи жители не имѣютъ корма для скотины, и переводящъ ее; но

засухи биваютъ очень рѣдко. На островѣ Св. Елены неизвѣсны также и сѣн безпрестанные, проливные дожди, которые рождаютъ столько болѣзней въ нашихъ колоніяхъ; здѣсь легкія облака, покрывая ясное небо, орошаютъ землю однимъ тихимъ, благопворнымъ дождемъ. Хотя островъ лежитъ подъ десятымъ градусомъ широты, но жители не знаютъ, что такое змѣя или другое ядовитое насѣкомое. Они бояться только саранчи, которая опускается иногда поля ихъ; тогда имъ привозятъ хлѣбъ изъ Англіи. Однакожь никогда не бываетъ у нихъ совершеннаго недостатка, которой въ ихъ положеніи могъ бы имѣть ужасныя слѣдствія. Огороды и деревья всегда надѣляютъ жителей зеленью и плодами; сверхъ того море вокругъ ихъ наполнено прекрасными рыбами, которыхъ считается здѣсь до семидесяти родовъ. Такимъ образомъ благопворная Натура все придумала для сего щасливаго острова.

Я живу въ единственной улицѣ единственнаго городка на островѣ. Тутъ живетъ Губернаторъ, и всѣ путешественники могутъ находить пристанище. Этотъ городокъ построенъ на прекрасной долинѣ, которая съ самаго нашего пріѣзда имѣетъ видъ ярманки; часа два мы

лирическою поэзією Теспи, Филікаи; Англія гордилась Мильтономъ и Драйденомъ: но гдѣ найдемъ виѣстѣ, и (іпакъ сказать) въ одномъ обществѣ чудесное множество превосходныхъ дарованій, равныхъ только между собою? Корнель, духъ творческій, первый въ искусствѣ возвышать душу и постигать *высшее* (*); Мольеръ, Поэтъ-Философъ, первый живописецъ человѣческихъ слабостей; Лафонтенъ, несравненный въ милой простотѣ и въ шаспливой легкости слога; Маскаль, Депрео, *утвердители* (іпакъ сказать) Французскаго языка, одинъ въ прозѣ, другой въ стихахъ, первые образцы въ трудномъ искусствѣ *поднять слова мыслямъ*; Расинъ, первый еще въ важнѣйшемъ искусствѣ говорить съ сердцемъ, единственный соперникъ Виргилія въ пѣтической пріятности, чистотѣ и гармоніи; Боссюэпъ, первый въ краснорѣчій Генія; Фенелонъ, первый въ краснорѣчій добродѣтели — сіи великіе таланты сіяли въ одной Франціи; но успѣхи разума были вездѣ удивительны. Гугенсъ открылъ въ Голландіи теорію средоточій *колебанія* и угадалъ оичасни теорію силъ центральныхъ; Невтонъ въ Англіи, Лейб-

(*) Sublime.

столь же бурной, сколь ихъ жизнь тиха и спокойна — не думай, чшобы они завидовали намъ, и желали сѣсть на корабль нашъ! Щасливые цвѣтущимъ здоровьемъ и сельскими упражненіями, копорыхъ успѣхъ составляетъ ихъ пріятность; щасливые невиннымъ спокойствіемъ единообразныхъ дней оживляемыхъ иногда прибытіемъ кораблей Европейскихъ, они по отбѣздѣ нашей немедленно возвращаются въ смиренныя свои домики и займутся сельскими работами, въ ожиданіи другихъ жоренлаваншелей, которые привезутъ съ собою новыя веселья и праздники для маленькой, любезной колоніи! . . .

Вчера видѣлъ я, въ двухъ миляхъ отсюда, примѣчанія доешойную вещь; а именно, скалу, стоящую на двухъ другихъ скалахъ: когда ударишь въ нее камнемъ, то звукъ раздается почти на цѣлую милю — и проч.

(Изъ Moniteur.)

БОНАПАРТЕ ВЪ ПИРАМИДѢ.

(Переводъ изъ Описанія Египетской
Экспедиціи.)

25 Термидора Бонапарте со многими Генералами и Членами Народнаго Инспиршуина отправился къ большой пирамидѣ, называемой Хепосомъ, гдѣ ожидали его Иманы, чтобы показать ему внутренность ея. Въ 9 часовъ утра онъ былъ уже на горѣ Гизело, осмотрѣлъ пять маленькихъ пирамидъ и съ великимъ вниманіемъ устремилъ взоръ на большую; желъ чего вошелъ въ ея внутренность, и увидѣлъ каналъ, длиною во сто сажень, коимъ привелъ его къ галлерей, гдѣ погребенъ былъ Фараонъ, строитель сего монумента, и гдѣ показывающъ мумію жены его. Бонапарте сѣлъ на опломкѣ граница и велѣлъ Иманамъ, Сулейману Ибрагиму и Мугамеду, сѣсть подлѣ себя. Въ присутствіи своихъ Генераловъ онъ разговаривалъ съ ними такимъ образомъ:

Бонапарте.

Великъ Господь, и чудесны дѣла Его! Мы видимъ здѣсь славное дѣло рукъ человеческихъ. Какое намѣреніе имѣлъ строитель сей пирамиды?

Сулейманъ.

Сильный Царь Египетскій — думаютъ, что имя его было Хепосъ — построилъ ее. Онъ хотѣлъ удалить нечестивыхъ отъ мирнаго своего праха.

Бонапарте.

Великій и мудрый Киръ хотѣлъ по смерти своей лежать на землѣ, чтобы шло его возвратилось въ спихи. Ключъ изъ нихъ мудрѣе?

Сулейманъ (низко кланяясь).

Слава тому, кому слава подобаешь!

Бонапарте.

Великъ Алла! — Какой Государь велѣлъ открыть пирамиду и нарушилъ спокойствіе могилъ?

Мугамедъ.

Повелишель вѣрныхъ, Магометъ, который за нѣсколько вѣковъ предъ симъ царствовалъ въ Багдадѣ; или, какъ говорятъ другіе, Ааронъ Алрашидъ (да будетъ миръ праху его!) думая, что здѣсь хранятся сокровища. Но въ сей залѣ, по древнему преданію, его Министры нашли однѣ муміи, а на стѣнѣ слѣдующую златую надпись: *нечестивый не знаетъ страха, но совѣсть мучитъ его.*

Боналарте.

Хлѣбъ , похищаемый злыми , на-
полнишь уша его пескомъ горящимъ.

Мугамедъ (кланяясь)

Такъ вѣщаетъ премудрость !

Боналарте.

Слава Всевышнему ! Алла есть Алла ;
Магометъ пророкъ его ; я другъ Магоме-
шовъ.

Сулейманъ

Миръ и благо посламъ Аллы ! благо-
тебѣ , вождю непобѣдимому , любимцу
Магомета !

Боналарте.

Иманъ ! благодарю тебя . Божествен-
ный Алкоранъ питаешь душу мою , уве-
селяешь глаза мои . Я люблю пророка , и
надѣюсь скоро почтить могилу его во
святомъ градѣ . Но прежде должна мы
вспребитъ Мамелюковъ .

Ибрагимъ.

Ангель победы да свѣтъ прахъ съ-
пуши твоего , и да осѣнитъ тебя крылами
своими ! Мамелюкъ достоинъ смерти .

Боналарте.

Онъ убитъ и преданъ чернымъ Ан-
теламъ , Монкиру и Квакиру . Алла , оидъ

котораго все зависишь, повелѣлъ испре-
бисъ его.

Сулейманъ.

Онъ проспираетъ хищную руку свою
на земли, на богатыя нивы и на коней
Египетскихъ.

Боналартъ.

На коней и на прекрасныхъ невольницъ,
Иманъ почтенный. Алла изсушилъ руку
Мамелюка. Когда Египетъ принадлежитъ
ему, то пусть объявитъ онъ права свои,
отъ Аллы полученные! Но Алла справед-
ливъ и милосердъ къ народу своему.

Ибрагимъ.

О ты, храбрѣйшій изъ дѣтей Иесовыхъ!
Всевышній далъ тебѣ въ помощники Ан-
гела испребиселя, да избавишь землю
Египетскую.

Боналартъ.

Сія страна носила цѣпи двадцати-че-
тырехъ мятежниковъ, враговъ Султана,
нашего друга (котораго да прославитъ
Алла!) и десяти тысячъ Грузинскихъ не-
вольниковъ. Адриилъ, Ангелъ смерти, ду-
шулъ на нихъ: мы пришли — и гдѣ они?

Мугамедъ.

Славный потомокъ Александра! честь
твоему непобѣдимому оружію и внезап-

полю грому, лепящему изъ рукъ коннаго воинства своего (*)!

Бонапартъ.

Не уже ли думаешь, что сей громъ есть дѣло рукъ человѣческихъ? Алла вручилъ его мнѣ чрезъ Генія войны.

Ибрагимъ.

Мы зримъ въ дѣлахъ твоихъ Аллу. Ты не могъ бы побѣдить безъ воли его. Въ Дельфтѣ и во всѣхъ странахъ Египетскихъ гремятъ чудеса твоей храбрости.

Бонапартъ.

Скажу — и небесная колесница поднимется на воздухъ, и по желѣзной нити ниспадетъ молнія на землю (**)!

Сулейманъ.

И великая змѣя, кошерая въ день торжественнаго прибытiя твоего во градъ Александра вышла изъ земли и легла на подножii сполта Помпея, не ешь ли также чудесное дѣло рукъ твоихъ?

(*) Иманъ говоритъ о конной Французской артиллерii.

(**) Онъ разумѣетъ воздушной или Монгольфьеровъ шаръ и электрическiе опыты.

Боналарте.

Свѣшила вѣковъ! вы увидите еще болѣе чудесъ; ибо пришли дни возрожденія.

Мугамедъ.

Божественное Единство взираетъ съ любовію на тебя, Исова обожателя, и велитъ тебѣ быть защитою дѣшей пророка.

Боналарте.

Не сказалъ ли Магометъ, что всякой человекъ, которой Богу поклоняется и творитъ добрыя дѣла, спасется, какой бы вѣри онъ ни былъ?

Сулейманъ, Ибрагимъ, Мугамедъ.

Сказалъ, сказалъ! (низко кланяются.)

Боналарте.

Я смирилъ гордаго Римскаго Муфти, исполняя волю Небесъ.

Мугамедъ (съ ужасомъ).

Онъ былъ силенъ и богатъ, а мы Иманы слабы и бѣдны!

Боналарте.

Знаю: не бойшесь! — Въ сей пирамидѣ не скрываются ли сокровища, вамъ извѣстныя?

Сулейманъ (сложивъ руки на груди).

Нѣтъ, Государь: клянемся въ помятую свящую Меккою!

Боналарте.

Вѣшрь развѣваетъ сокровища мѣра!

Сулейманъ.

Ты дружелюбно обходился съ Римскимъ Муфти, дружелюбно и ласково.

Боналарте.

Я чшю сего спарца. Всевышній да сохранишь его, и да поможешь ему во всѣхъ дѣлахъ истины и разума!

Ибрагимъ.

Слава пророку, который послалъ тебя къ намъ, да оживишь вѣру слабыхъ, и да ошкроешь для правовѣрныхъ седьмое небо!

Боналарте.

Такъ, такъ, ревностные Иманы! служите Магомешу, который въ одну ночь семь чудесныхъ небесъ пробѣгаетъ; будьте друзьями Французамъ: тогда и Магомешъ и Французы нагрядятъ васъ!

Ибрагимъ.

Да приготовамишь тебѣ Магомешъ счастливое мѣсто подлѣ себя!

Боналарте.

Да слушаютъ всѣ, одаренные слухомъ! Великій часъ насталъ. Муфти, Иманы, Муалы, Дервиши, Календеры!

учите народъ Египетскій. Велите ему соединиться съ нами для испребленія Беевъ и Мамелюковъ. Способствуйте торговлѣ Французовъ въ странахъ вашихъ, и помогите имъ пробраться въ древнее опечество Браны! Магометъ желаетъ того. Французы заплачутъ вамъ своею дружбою, своими искусствами и сокровищами; а Магометъ опкроетъ для васъ седьмое небо, гдѣ вы успокоитесь подлѣ юныхъ, дѣвственныхъ, черноглазыхъ Гурій, въ сѣни Лава, котораго вѣрви положатъ вамъ въ ротъ сладчайше, зрѣлые и сочные плоды! Да будетъ!

Сулейманъ (съ низкимъ поклономъ).

Да будетъ! Ты говорилъ какъ ученый Иманъ. Мы исполнимъ волю твою: Магометъ внимаетъ нашей клятвѣ!

Боналарте.

Слава пророку, и миръ вамъ, достойные Иманы!

С т р а н н о с т ь .

Французъ, который жилъ долго въ Россіи и возвратился въ свое отечество, публикуетъ оплуда въ Московскихъ газетахъ (*), что онъ близъ Парижа завелъ пансіонъ для Рускихъ молодыхъ дворянъ, и приглашаетъ родителей отправить къ нему изъ Россіи дѣтей своихъ на воспитаніе, обѣщая учить ихъ всему нужному, особливо же языку Рускому! Живуци въ уединеніи, я не знаю, что другіе подумали о такомъ объявленіи. Мнѣ кажется оно болѣе смѣшнымъ, нежели досаднымъ: ибо я увѣренъ, что наши дворяне не захотятъ воспользоваться благосклоннымъ предложеніемъ господина Н. Н. Французы въпрены — были и будутъ! Снисходительной человѣкъ во многомъ извиняетъ ихъ *легкомысліе*. Иначе какъ вздумать, чтобы родители въ отечествѣ нашемъ не имѣли способовъ воспитывать дѣтей, и могли безразсудно удалить ихъ отъ себя, забывъ священный долгъ свой и ввѣрить судьбу юныхъ сердець чужому, неизвѣстному человѣку? Мы гошповы плашимъ Французамъ, или другимъ ино-

(*) Въ первыхъ нумерахъ Декабря мѣсяца.

спранцамъ , за уроки въ ихъ языкахъ , которые нужны для благороднаго Россіянина и служатъ ему средствомъ просвѣщенія : у насъ есть деньги ! но у насъ есть и разумъ . Мы знаемъ первый и свѣтѣйшій законъ Природы , что мать и отецъ должны образоватъ нравственноснъ дѣтей своихъ , которая есть главная часть воспитанія ; мы знаемъ , что всякой долженъ расти въ своемъ отечествѣ и заранѣе привыкать къ его климату , обычаямъ , характеру жителей , образу жизни и правленія ; мы знаемъ , что въ одной Россіи можно сдѣлаться хорошимъ Рускимъ — а намъ , для государственнаго щасія , не надобно ни Французовъ , ни Англичанъ ! Пусть въ нѣкопоры лѣта молодой человекъ , уже приготовленный къ основательному разсужденію , ѣдетъ въ чужія земли узнать Европейскіе народы , сравнить ихъ физическое и гражданское состояніе съ нашимъ , чувствовать даже и самое ихъ превосходство во многихъ отношеніяхъ ! Я не боюсь за него : сердце юноши оставляетъ у насъ предметы нѣжнѣйшихъ чувствъ своихъ ; оно будетъ спремиться къ намъ изъ отдаленія ; подъ яснымъ небомъ южной Европы онъ скажетъ : *хорошо ; но въ Россіи семейство мое , друзья , товарищи мо-*

его дѣйства! Онъ будетъ многому удивляться, многое хвалить, но не полюбитъ никакой страны болѣе отечества. Человѣкъ можетъ иногда ненавидѣть землю, въ которой онъ жилъ долго; но *всегда, всегда любитъ пчу, въ которой воспитывался*: истина важная для опцевъ семейства, и понятная для всякаго разума! Впечатлѣнія юности составляютъ главную драгоценность души; они всего для насъ милѣе, подобно какъ самой простой весенней цвѣтокъ радуется насъ болѣе пышной лѣтней розы. Мѣсто, которое напоминаетъ человѣку первыя дѣйствія сердца и разума его, будетъ для него прѣятнѣйшимъ мѣстомъ въ свѣтѣ. Еслили отецъ пошлетъ десятилѣтняго сына своего на пять или на шесть лѣтъ въ чужую землю, то чужая земля будетъ для сына опечесствомъ: она дастъ ему первыя моральныя, сильныя чувства, и сама Натура привяжетъ его къ ней милыми, неразрывными узамъ. Возрасшъ отрока есть развитіе нравственности и души; отъ 10 до 15 лѣтъ рѣшится судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человѣкъ надолго ѣдетъ въ какую нибудь землю, то онъ спарася заранѣе узнать ея обычаи, и еслили не дѣломъ, то хошя воображе-

нѣмъ привыкаетъ къ нимъ, зная, что непривычка къ образу мыслей и жизни тѣхъ людей, съ которыми намъ ежедневно быть должно, производитъ для насъ многія, существенныя непріятности. А сынъ мой, которому опредѣлено жить и умереть въ Россіи, поѣдетъ образовать душу свою во Францію? Ему надобно знать Русскихъ, съ которыми у него одно гражданское и моральное счастье: а я пошлю его къ Французамъ? Положимъ, что всѣ Европейскіе народы съ нѣкотораго времени обближаются между собою характеромъ; но различіе все еще велико, и навсегда оспанется въ свойствахъ, обычаяхъ и нравахъ, происходящихъ отъ климата, образа правленія, судьбы нашихъ предковъ и другихъ причинъ, еще неизъясненныхъ Философами.

Господинъ Н. Н., учредитель Парижскаго пансіона, скажетъ намъ: „вы должны согласиться, что человѣкъ еще важнѣе гражданина: а человѣкъ можетъ лучше образоваться во Франціи, нежели въ Россіи.“ Первое справедливо: на второе не согласимся. Мы уже, слава Богу! не варвары; у насъ есть всѣ способы просвѣщенія, какія только могутъ найтись во Франціи; и тамъ и здѣсь учать одному, по однимъ Авторамъ и книгамъ.

Самый Французской языкъ можно въ Петербургѣ или въ Москвѣ узнать такъ же хорошо, какъ въ Парижѣ; положимъ, что и не такъ хорошо: но нѣкоторыя совершеннѣйшія его оппѣнки награждаютъ ли за моральный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія? Природный языкъ для насъ важнѣе Французскаго; а господинъ Н. Н., не смотря на свое милосливое обѣщаніе, не выучитъ дѣтей нашихъ въ Парижѣ говорить такъ хорошо по Руски, какъ они здѣсь выучатся. Пипомцы его, черезъ 6 или 7 лѣтъ возвращаясь въ Россію, стали бы перзатъ слухъ нашъ варварскими своими фразами; они сказали бы намъ: „мы *говоримъ языкъ свой*; „мы знаемъ *Математики*; мы *представляемъ наши логтенія* согражданамъ(*)“ — а сограждане назвали бы ихъ глупцами, невѣждами, дурно-воспитанными людьми; ибо кто не знаетъ своего природнаго языка, тотъ конечно дурно воспитанъ, хотя бы зналъ наизусть и всѣ книги Браминновъ; они сказали бы симъ полу-Галламъ: „за чѣмъ вы къ намъ прѣехали? за чѣмъ не остались во Франціи? Мы не при-

(*) Такія фразы слыхали мы отъ Рускихъ Французовъ. Нѣкоторые изъ нихъ упиверждаютъ даже, что нашъ языкъ не имѣетъ правилъ. Нещастные!

„знаемъ васъ земляками своими; вы недостойны называться Рускими, которые гордясь языкомъ Свяпослава, Влади-мира, Пожарскаго, ПЕТРА Великаго. Вы не имѣете опечеспва: ибо и самыя Французы, не смопря на то, что вы прекрасно даете чувспвовать нѣмое Е, не признають васъ Французами!“ . . . И добродушныя родители, лишивъ себя неизъяснимаго удовольствія видѣть въ лицѣ и въ душѣ милыхъ дѣтей постепенное развитіе красоты физической и нравственной, вмѣсто благовоспитанныхъ людей увидѣли бы въ нихъ Французскихъ обезьянъ или попугаевъ, копорые наименовали бы имъ всѣхъ Парижскихъ актеровъ, а не умѣли бы съ чувспвомъ произнести священнаго имени Россіи, отца, матери и согражданъ!

Но я, подобно славному рыцарю Дон-Кихоту, сражаюсь съ въпреными мельницами, принимая ихъ за исполиновъ. Конечно никто изъ благоразумныхъ дворянъ Россійскихъ не подумаетъ отправить дѣтей своихъ въ пансіонъ къ господину N. N., надъ копорымъ безъ сомнѣнія и самыя Французы смѣются.

О. О.

Новый монументъ Виргилія.

Письмо изъ Маншуи отъ 22 Октября 1801.

У насъ былъ великолѣпный праздникъ при открытіи монумента, сооруженнаго въ память славному Спихотворцу, который нѣкогда родился въ нашемъ городѣ.

Виргилій, отличный любимецъ Музъ, споль сильно дѣйствующій на воображеніе и чувствительность людей, долженъ былъ доволенъ признательностью вѣковъ. Его лавръ, всегда расцвѣпающій въ Маншуѣ; его гробъ, не менѣе баснословный, надъ громомъ Павзилиповымъ въ Неаполѣ; приморскіе холмы, гдѣ любопытнымъ странникамъ показываютъ еще и нынѣшнѣ прелестныя мѣста, на которыхъ раздавался нѣкогда сладкій голосъ его, доказываютъ, что народы священными преданіями и живыми образами питаютъ чрезвычайную любовь свою къ сему Поэту. Греція не сохранила слѣдовъ Гомеровыхъ и Гезіодовыхъ; въ Шотландіи ничто не воспоминаетъ намъ колыбели и могилы Оссіановой.

Въ шестое Республиканское лѣто, когда побѣды Французскихъ армій не мѣшали еще заниматься Музамъ, Дивизионный Генераль Мюллисъ, будучи Ком-

менданпомъ въ Маншуѣ, вздумалъ соорудить памятникъ Пѣвцу Дидоны и Георгикъ; ибо Міоллисъ любитъ Музъ, и заслужилъ въ Италіи, вмѣстѣ съ именемъ безкорыснаго воина, имя просвѣденнаго друга наукъ и художествъ.

Монументъ былъ уже почти готовъ, когда извѣстныя нещасія привели къ намъ Авспрійцевъ, которые, ненавидя все республиканское, изъявили мщеніе свое и на семъ монументѣ. Ромонда, гдѣ надлежало споять *Виргиліевой* и другимъ *сташуямъ* новыхъ великихъ *Поэповъ* Италіи, была ими разрушена; они испрѣбили и прекрасныя деревья, посаженныя въ семъ *пихомъ*, уединенномъ мѣстѣ.

Черезъ 4 года поплъ же самый Генералъ, возвратясь къ намъ съ побѣдою, рѣшился обновить дѣло свое; но онъ хотѣлъ дать ему большую прочность, и вмѣспилъ памятникъ въ самый городъ, поручая жителямъ храненіе его.

На площади, называемой прежде *дель-Арджина*, а нынѣ *мѣстомъ Виргиліевымъ*, возвышается мѣдный бюспъ Поэта, окружаемый *Циркомъ* и величественными арками, которыя еще не отдѣланы. Ошкрытіе монумента было 13 сего мѣсяца, въ день *Виргиліева* рожденія, среди радоспныхъ восклицаній народа, въ присут-

спѣи всѣхъ чиновниковъ и гарнизона Французскаго. При семъ торжественномъ случаѣ науки и Музы заплакали дань свою Виргилію произведеніями, его достойными и доказывающими, что щасливый климатъ Испаліи могъ бы во всякое время украшаться великими палантами, если бы обстоятельство не мѣшало имъ развиваться, и если бы исполнилось желаніе Макіавеля, выраженное Монпиемъ:

No quel bel giardino di Natura,

No poi barbarò non è (*):

Праздникъ кончился симфоніями, пѣн-
цами и освѣщеніемъ.

XI.

С М Ъ С Ъ.

Генералъ Ренье прислалъ Институту Египетскую одежду и лоскуты матеріи, найденной въ землѣ подлѣ Сакары. Сіи любопытные осматки древняго Египетскаго ремесла могутъ показать, въ какомъ состояніи были искусства въ Египтѣ. Ренье пишетъ къ Членамъ Института, что происшествія войны лишили его богатаго

(*) „Нѣтъ, сей прекрасной садъ природы не
„естъ жилице варваровъ.“

собранія тамошнихъ древностей, но что онъ ожидаетъ изъ Александрии еще нѣкоторыя любопытныхъ вещей, и немедленно сообщитъ ихъ Институту, обѣщая доставить ему и сочиняемое имъ описаніе разныхъ жилищей Египта, ихъ нравовъ, успѣховъ въ общественности, и проч.

Генераль Мену, оставляя Александрию, умѣлъ сохранить для Франціи всѣ примѣчанія достойныя вещи, собранныя въ Египтѣ Французскими Учеными. Онъ привезъ съ собою живаго *цивета*, котораго удалось ему сохранить изъ трехъ, присланныхъ ему Царемъ Дарфуртскимъ (отъ Каира до Дарфурта считается 100 дней пути). Мену подарилъ его Кабинету Естественной Исторіи, который возметъ всѣ мѣры, чтобы сіе весьма рѣдкое животное было съ величайшею опорожностію привезено въ Парижъ. Онъ живетъ подъ Линіею, и пребуетъ теплаго воздуха. Циветъ, какъ извѣстно, производитъ выхухоль.

Англійской Посланникъ въ Константинополь, Лордъ Эльджинъ, отправилъ двухъ художниковъ въ Грецію для исканія древностей въ землѣ. Они пишутъ, что имъ удалось опрыть въ Афинахъ почти всѣ барельефы, которые украшали Минервинъ храмъ. — Секретарь Сиднея Смипа

нашелъ въ Розетѣ полный экземпляръ оригинала *Тысячи Одной Ноги*.

Во Франціи, въ Департаментѣ Нижнихъ Альпъ, близъ деревни Лабатикъ-Музалеона, открылись слѣды Римскаго города, котораго имя намъ неизвѣстно по Исторіи; но цѣлыя стѣны, прекрасныя мозаики, остатки зданій, медали (изъ которыхъ одна золотая, Констанцинова) доказываютъ несомнительно его бытіе. Правительство возьметъ мѣры для дальнѣйшихъ открытій, и мы узнаемъ, можетъ быть, какъ имя, такъ и судьбу его города.

Бывшему Англійскому военному Министру Виндаму и друзьямъ его Лондонской народъ опмстилъ каррикатурою за нелюбовь ихъ къ миру. Представляется война въ видѣ мертваго человѣка, лежащаго во гробѣ. Всѣ друзья войны съ ужасными лицами (и при томъ очень сходными) сидятъ въ горести на грудѣ человѣческихъ костей. Фуріи пламенниками своими освѣщаютъ гробъ — и въ лицѣ одной изъ нихъ всякой узнаетъ Виндама.

Учрежденіе Парижскаго Лицея есть, можетъ быть, единственное въ Европѣ. Тамъ, въ нѣкоторые дни, собирается публика слушать легкую прозу и легкіе стихи лучшихъ Французскихъ Авторовъ;

шамъ соединяются всѣ Писатели, друзья и враги — всѣ любители Словесности и Поэзіи. Въ послѣднемъ засѣданіи Лицея всѣхъ болѣе опличились Жираръ и Госпожа Пилле : первый своими *письмами къ Юліи о Ботаникѣ*, украшенными (по словамъ Журналистовъ) нѣжными, любезными, меланхолическими мыслями, безъ всякихъ ученыхъ выраженій; а впрочемъ *сапирою на замужство*, которую читала она на каедрѣ громкимъ, пріятнымъ голосомъ, и съ величайшимъ искусствомъ. Въ сапирѣ множество прекрасныхъ стиховъ, которые могутъ быть пословицами; но похвальна ли цѣль ея? Доказывать, что ни молодой, ни старой супругъ не можетъ сдѣлать жены своей щасливою! Какая нужда! говорятъ Франгузы: лишь бы стихи нравились! Госпожа Пилле съ каедры ругала насъ, а мы безъ памяти хлопали въ ладоши, и кричали браво! Буало бранилъ женщинъ, не имѣя надежды быть мужемъ: для того же и Госложъ Пилле, которой около сорока лѣтъ, не побранить насъ мужчинъ? Тутъ же читали нѣжные стихи покойнаго Бернара, которые показались скучными. Этотъ родъ вышелъ изъ моды, говоритъ Издапель Декады: умы и нравы переиѣнились, подобно кафшанамъ. Кто хочетъ телерь забавлять насъ стихами Бернара и Дората, тотъ

*долженъ требовать, чтобы мы надѣли олять
шипыя кафпаны и кружевныя манжеты.*

Славная Парижская актриса Дюмениль, нынѣ уже осмидесяти - лѣтняя, вздумала учить молодую актрису Бургуанѣ, которая въ роля Меланіи и Заиры принята была зрителями весьма благосклонно, конечно изъ уваженія къ учительницѣ: ибо дѣвица Бургуанѣ хороша лицомъ, но холодна игрою до крайности. Многіе не хотѣли вѣрить, чтобы Дюмениль въ такія лѣта могла учить актрисъ; но это правда. Извѣстный Авторъ и Критикъ Палиссо пишетъ слѣдующее: „Тѣ, „которые удивляются, что осмидесяти- „лѣтняя Дюмениль въ состояніи зани- „маться молодыми талантами и способ- „ствовать ихъ успѣхамъ, узнаютъ коне- „чно съ удовольствіемъ, что сія велисе- „ственная актриса сохраняетъ еще всю свѣ- „жестъ памяти. Я самъ былъ тому сви- „дѣтелемъ, имѣвъ честь, за три мѣсяца „передъ симъ, обѣдать у нее вмѣстѣ съ „Графомъ Кобенцелемъ. Она при насъ съ „живоснію и съ жаромъ читала наизустъ „всю сцену Агриппины съ Перономъ въ „Британникѣ, сновидѣніе Апаліи, разго- „воръ ея съ Іосомъ, и, смѣю сказать, „удивила всѣхъ насъ талантомъ своимъ.“

Веймарской земледѣлецъ , именемъ Функъ , сдѣлалъ весьма важное опкрыпѣе для хлѣбопашества. Посредствомъ химическихъ дѣйствій онъ составилъ маперію , которой одно ведро столько же удобряетъ землю , какъ 20 возовъ самаго лучшаго навоза. Составъ сей маперіи весьма простъ и дешевъ.

Изъ Бопани - Бея привезли въ Лондонъ двухъ ппидъ , до нынѣшняго времени совсѣмъ неизвѣстныхъ въ Натуральной Исторіи. Онѣ вышиною въ 7 фуговъ съ ногъ до верхней части головы , похожи видомъ на спруса , цвѣтомъ сѣрыя ; и каждое перо ихъ раздѣляется надвое. Голова и носъ ихъ похожи на гусиные , а шея на лебяжью ; лапы длинныя , и всѣ въ перьяхъ. Сии ппиды очень смиренны ; и когда поднимутъ вверхъ голову , то стоятъ на ногахъ почти такъ же прямо , какъ человѣкъ.

Господинъ Кобраль , Гишпанскій Посланникъ въ Константинополь , въ проѣздѣ свой черезъ Германшпартъ получилъ извѣстіе , что одинъ ученый Гишпанецъ , путешествующій на счетъ Королевскій , отыскалъ въ Марокъ полную лѣтопись Типа - Ливія на Арабскомъ языкѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Рѣчь Депутатовъ Французскаго Законодательнаго Совѣта, въ отвѣтъ Консуламъ на обнародованную ими картину Республики.

Граждане Консулы!

Изображеніе внутренняго и внѣшняго состоянія Республики, сообщенное Законодательному Совѣту, приняло имъ съ живѣйшимъ любопытствомъ, и возбудило въ немъ сладостныя надежды. Успѣхи мудраго Правленія во всѣхъ дѣлахъ его служатъ насильнымъ предвѣспіемъ будущихъ успѣховъ. Мирные переговоры толь скоро достигли цѣли своей, что радость наша украсилась еще пріятнымъ удивленіемъ. Уже непобѣдимые легіоны Республики могутъ возвратиться въ опечесство и наслаждаться издѣяніями благодарности. Миръ, бывший всегда предметомъ вашихъ желаній, принесенъ къ намъ на крыльяхъ побѣды, которая вамъ никогда не измѣняла. Республика, спасен-

ная отъ бурь, которыя свирѣпствовали надъ ея колыбелью — спасенная отъ несчастій, которыя терзали ея младенчество — въ полномъ блескѣ и силѣ юности, спокойная внутри, уважаемая дружественными Правленіями, ею взаимно уважаемыми, — Республика торжественно вступаетъ въ міръ, и величественно занимаетъ мѣсто свое среди державъ первыхъ.

И такъ 13 лѣтъ Революціи не пропали для друзей человечества! Они наслаждаются плодами трудовъ своихъ, наслаждаясь *правами* и ревностно исполняя *должности*; соединяя гордость республиканскую съ тѣми пріятными нравами, которые всегда были ихъ характеромъ — съ тѣмъ ласковымъ госпепрѣимствомъ, которое всегда украшало страну оцней нашихъ. Въ воспоргѣ сердечной любви обнимая другъ друга, подъ спасительнымъ царствованіемъ законовъ, да предадутъ они забвенію вины и пропуски нѣкоторыхъ обольщенныхъ братьевъ, и нѣжное дружество ихъ да терзаетъ тѣхъ злощасныхъ, которые желаютъ еще вредить и ненавидѣть!

Французы, насыщенные славою, хотятъ благополучія: къ щаспію, у нихъ въ рукахъ всѣ спихи его. Между тѣмъ,

какъ ушѣшлительныя , миролюбивыя Искусства будутъ стремиться къ высочайшимъ умозрѣніямъ — между пѣмъ , какъ Исторія займется благоустройствомъ своихъ безчисленныхъ предметовъ , спараясь исполнить великія обязанности , возложенныя на нее первымъ Чиновникомъ Франціи — земледѣліе и промышленность оживявъ всѣ часпи общественнаго сосава.

Послѣ свирѣпыхъ испуцленій междоусобной войны насталь для предковъ нашихъ вѣкъ славный памятниками Генія (*): такъ и нынѣ характеръ народа , укрѣпленный бурєю Револуціи , изъавишъ силу свою и успремится ко всему изящному и великому , по есть къ полезному и справедливому : ибо отнынѣ справедливое и полезное должно быть мѣроу славы , и мнѣніе общественное презришь всѣ иные способы честолубія.

Народы , упомяенные кровопролитными раздорами , выведенные изъ пагубныхъ заблужденій своихъ , чувствують нужду любить другъ друга и братски объемлются между собою. Горе тому , который помыслилъ бы основать благоденствіе свое на бѣдствіи другихъ! Увѣренныя ,

(*) Вѣкъ Лудовика XIV.

что счастье ихъ должно быть общее, они будутъ мѣнялись дружествомъ, своими открытіями и произведеніями. Минувшія, долговременныя препятствія оживявъ ихъ взаимное сообщеніе, въ такое время, когда прежняя ненависть, основанная на различіи нравовъ и Религій, уступаетъ мѣсто взаимной терпимости; когда успѣхи общественности, сближая народы, образуя въ ихъ характерахъ.

Таковы суть златыя надежды, сіяющія на вратахъ новаго вѣка, который обѣщаетъ Франціи и Европѣ дни мирныя и счастливыя!

Мудрость и твердость Правленія способствовали сей великой переменѣ. Граждане Консулы! Совѣтъ Законодательный поручилъ намъ изъяснить вамъ радостныя и благодарныя чувства свои.

Въ лаконическомъ отвѣтѣ Консула на сію рѣчь замѣтны слѣдующія фразы: „Народъ, общій влстелинъ нашъ, судитъ „труды каждаго. Кипо служитъ ему съ „безкорыстнымъ усердіемъ, шопъ, совершивъ дѣло свое, въ мирномъ уединеніи „будетъ почтенъ согражданами.

*Объявленіе отъ имени Перваго Консула
въ Законодательнойъ Совѣтѣ (*).*

Правленіе сказало — и съ удовольствіемъ повпоряеши на вашей каедрѣ, граждане Законодатели, чпобы сія истина ошозва- лаеь во всѣхъ часняхъ міра — Правленіе сказало, чшо народъ Французскій равно уважаетъ всѣ роды правленій; желаетъ имъ цѣлости, успѣховъ, благоденствія, не только для взаимности, но и по чело- вѣколюбію, по истиннымъ правиламъ Фи- лософіи. Революціи испровергають госуда- рства; онѣ вѣдутъ за собою войну внѣш- нюю и междуособную. Наконецъ пришло по- время, чшо всѣ народы Европы и Америки, узнавъ лучше пользы свои, согласно же- лають швердаго, вѣчнаго мира. Война самая щасливѣйшая, самая блестящая своими успѣхами, стоить дорого, стоить горькихъ слезъ побѣдителю; стоитъ наро- дамъ того, чшо имъ всего драгоценнѣе и священнѣе: блага семействъ, крови дѣшей ихъ. Нѣтъ, Франція не вмѣщаетъ въ себѣ ни одного челоуѣка, копорый — еспьли онъ не безумецъ; еспьли онъ признаетъ

(*) изъ Фримера, по случаю ушвержденія мира съ Россією.

только власть и волю общую — который, говорю, кошѣлъ бы, для пустыхъ метафизическихъ тонкостей, снова вооружить народы другъ противъ друга и снова употребить землю кровію! Когда же есть такой человекъ, то у него нѣтъ дѣпей!

Щастливъ вѣкъ новый, ибо опытъ минувшаго вѣка не пропасть для него, и народы юга и сѣвера, одушевленные миролюбіемъ, опречлись отъ вражды ненавистной, и головы въ несогласіяхъ, естъли оныя вспрѣпяшся, прибѣгають къ законамъ общаго разсудка, соблюдая взаимное уваженіе и дружелюбіе, котораго вліяніе бываетъ всегда дѣйствительна на Кабинеты, управляющіе міромъ: ибо Кабинеты изъ людей составлены!

По крайней мѣрѣ народъ Французскій предписываетъ такую систему своему Правленію: онъ не хочетъ, и не возьметъ оружія, пока врагъ не будетъ угрожать его предѣламъ или чести, которая ему еще дороже; но и тогда представитъ онъ шіру зрѣлице, которое уже нѣсколько разъ представлялъ ему: легіоны многочисленные и храбрые, зовущіе миръ побѣдами!

III.

Письмо изъ Генуи
отъ 12 Декабря.

Въ то время, когда вся Европа признала необходимость мира, и когда первыя Державы забываютъ спаринную взаимную ненависть свою, чтобы думать только о внутреннемъ благоденствіи Государства — въ то самое время гнусные варвары распространяютъ ужасъ и горесть въ нашихъ окрестностяхъ. Всегдашніе разбой и злодѣйства сихъ Африканцевъ оправдываютъ мнѣніе шѣхъ, кошорые считаютъ ихъ поколѣніемъ Хананеевъ, осужденныхъ ненавидѣть и гнать брагій своихъ. Алжирцы еще свирѣпѣе прочихъ. Американская эскадра, къ щастію, держитъ Тунисъ въ блокадѣ. Триполистанцы злобны, но безсильны.

Было время, когда Гишпанцы усмиряли сихъ варваровъ сѣверной Африки, и даже владѣли городомъ Алжиромъ въ началѣ 15 вѣка. Съ самаго того времени, какъ Арукъ - Барбаросса, славнѣйшій изъ разбойниковъ, былъ призванъ Алжирцами образовать ихъ морскія силы, сей народъ слѣдуетъ его злодѣйской системѣ и живетъ однимъ грабежемъ. Барбаросса имѣлъ нѣсколько лѣтъ верховную

власть, и былъ убитъ въ сраженіи съ Гишпанцами. Братъ его, Шерединъ, сдѣлался Царемъ; но въ 1520 году поддался Султану Селиму I, удовольствовавшись именемъ Паши и принявъ въ городъ 2000 Янычаръ. Въ сіе время множество преступниковъ и злодѣевъ отправлено было Порпою въ Алжиръ для утвержденія тамъ власти ея. Гишпанцы владѣли еще крѣпостью: Шерединъ взялъ ее, завоевалъ Тунисъ, бралъ Гишпанскіе корабли на Средиземномъ морѣ и беспокоилъ даже самые берега Гишпаніи. Карлъ V въ 1541 году многочисленнымъ флотомъ осадилъ Алжиръ; но буря разсѣяла его корабли. Варвары остались подъ владѣніемъ Турецкаго Императора, и были управляемы Пашею.

Сіи Паши сдѣлались деспотами, и безпрестанно требовали отъ Султана денегъ на жалованье войска. Въ началѣ 17 вѣка Алжирское Турецкое войско прислало Депутатовъ въ Констанцинополь, желая, чтобы Порпа дозволила ему выбирать себѣ начальника подъ именемъ Дея (т. е. *дяди*), которой бы правилъ Алжиромъ, собиралъ доходы и содержалъ ими армію, не требуя денегъ отъ Султана. Паша долженъ былъ остаться въ Алжиръ, имѣлъ прежніе доходы, но не вмѣшивался въ дѣла. Порпа охотно

согласилась на то. Въ началѣ 18 вѣка Дей Баба-Али заключилъ въ темницу Пашу, отправилъ богатые подарки въ Конспан-пинополь и представилъ Султану, что сіе мѣсто совсѣмъ бесполезно, и что достоинство Пашы можетъ быть соединено съ достоинствомъ Дея. Порта опять согласилась; и съ того времени каждый Дей, будучи избранъ войскомъ, утверждается Султаномъ и получаетъ имя Пашы. Алжирцы считаются въ Турціи другими Турками.

Алжирское Правленіе не имѣетъ никакой твердости, часто бываетъ въ совершенномъ безпорядкѣ, не знаетъ правъ народныхъ и основано на вѣчныхъ разбояхъ. Оно всегда въ войнѣ съ Европейскими Державами, и слѣдуетъ только одному своему корысполубію. Уничтоженіе Мальтійскаго Ордена сдѣлало Алжирцовъ еще дерзостнѣе. Мы надѣемся, что первыя Державы Европы вздумаютъ наконецъ унять ихъ, особливо въ то время, когда миръ есть общее желаніе и счастье народовъ. Кажется, что Африканскіе разбойники, спустошая теперь Италіянскіе берега, сами вызываютъ Европу встать противъ нихъ рѣшительныя мѣры.

Письмо изъ Соединенныхъ Американскихъ Облаетей.

Наше опечесство предспавляетъ теперь рѣдкій феноменъ въ Испоріи народовъ : феноменъ Правленія , обращеннаго единспвенно къ общему, верховному благу. Мы обязаны шѣмъ Джефферсону (Президенту Конгресса), вѣрному исполнителю законовъ. Онъ всѣ важныя должности поручаетъ людямъ, удостоеннымъ общаго почтенія ; людямъ, которыхъ способность извѣдана опыномъ въ нижшихъ должностяхъ, и которыя въ республиканскомъ патріотизмѣ своемъ никогда не искали личныхъ для себя выгодъ. Сей Философъ, извѣспный въ Европѣ своими твореніями о земледѣліи и Божаникѣ, знаетъ споль же хорошо и человѣческое сердце, умѣя избирать въ орудіе государственнаго блага не хитрыхъ, а добрыхъ; ибо онъ увѣренъ, что разумъ и самыя испинныя таланты должны бытъ удаляемы отъ Правленія, какъ скоро они не соединены съ хорошею нравспвенностію и съ душею швердою. По тому всѣ его выборы заслужили одобреніе гражданъ, хотя Аристократическія газетныя заасловили на счепъ нѣкоторыхъ.

Джефферсонъ имѣетъ все то, что можешь заслужить любовь согражданъ и уваженіе потомства (безъ чего нѣтъ истинныхъ великихъ людей); онъ ласковъ непришворно, обходительнъ безъ униженія, знающъ, твердъ и пламенный республиканецъ. Таковъ Начальникъ Соединенныхъ Областей: человекъ, который, имѣя возможность дѣлать добро, дѣлаешь его съ усердіемъ.

Безстыдные честолюбцы, введенные въ Правленіе Адамсомъ и Англійскимъ золотомъ, исчезли одинъ за другимъ.

Аристократы, которые за три или за четыре года передъ симъ управляли, по желаніе иностранцевъ, всѣми выборами, не имѣютъ теперь никакой власти, никакого вліянія.

Все идетъ непримѣтно, ибо все стремится къ одной цѣли, къ истинному благоденствію.

Независимость частныхъ мнѣній ограничивается здѣсь однимъ мнѣніемъ общества; но мы не преступаемъ границы благоразумной свободы, слѣдуя уславамъ и страшась необузданности, всегда пагубной.

Два года Джефферсонова правленія имѣли благотѣтельное вліяніе на всѣ части Республики, на всѣ общественныя

учрежденія, и налоги уменьшились цѣлою половиною.

V.

Дѣйствіе войны и Революціи.

Чтобы увѣришься, какое вредное дѣйствіе долговременная война производитъ во нравахъ, должно побывать въ Англійскихъ уголовныхъ судилищахъ, гдѣ никогда не бывало столько дѣлъ, какъ нынѣ. Война раждаетъ бѣдность, а бѣдность безъ твердыхъ правилъ Морали доводитъ человѣка до преступленій. Не говоря уже о частыхъ разбояхъ и воровствѣ, замѣтимъ особый родъ злодѣйства, который доказываетъ великое ожесточеніе сердца, и въ которомъ обличены были здѣсь многіе люди; а именно: они вырывали мертвыя тѣла, снимали съ нихъ одежду и обдирали свинецъ съ гробовъ. Цѣлое общество занималось симъ гнуснымъ промысломъ около двухъ лѣтъ. — *Изъ Англ. Журнала.*

Пишутъ изъ Нанси, что въ тамошній уголовный судъ часто представляющъ малолѣтнихъ злодѣевъ, воровъ и даже убійцъ. Это ужасно; но мудро ли? они были воспитаны среди злодѣйствъ

Революціи. Примѣры всего болѣе дѣйствуютъ на юныя сердца. Къ тому же родители не могли въ сіе страшное время прилѣжно заниматься нравственнымъ образованіемъ дѣшей своихъ. — *Изъ Парижскаго Журнала.*

VI.

Плоды войны и мира для Франціи и Великобританніи.

Великобританнія пріобрѣла войною: Цейланъ; мысь Доброй Надежды; всѣ владѣнія Франціи и Голландіи въ Ост-Индіи, кромѣ Иль-де-Франсъ и Бапавіи; Маринику, С. Луцію, Табаго, С. Пьеръ и Микелонъ, Суринамъ, Демерари, Куракао, Минорку, Мальпу, Египецъ

Франція пріобрѣла войною: Белгію и лѣвый берегъ Рейна, Савою, Піемонтъ, Ломбардію, Геную, Тоскану, господство надъ Италіею, союзъ съ Гишпаніею, власть надъ Португалліею, и Гишпанскую часть острова С. Доминго; она войною образовала Гельветическую, Башавскую, Чизальпинскую, Лигурійскую Республики и новую Монархію подъ именемъ Эпрурии.

Миромъ выигрываетъ Великобританія : островъ Цейланъ и Св. Троицы. Мысъ Доброй Надежды дѣлается вольною гаванью.

Миромъ выигрываетъ Франція : Белгю и лѣвый берегъ Рейна, Савою, Гилпанскую часть С. Доминго; всѣ свои потеряныя владѣнія въ обѣихъ Индiяхъ, а именно : Пондишери, Ражапоръ, Марпинику, С. Луцию, Табаго, С. Пьеръ и Микелонъ. Она сохраняетъ влiянiе свое на Гельветическую, Батавскую, Чизальпинскую и Лигурiйскiя Республики; заставляетъ Англiю признать Королевство Эпрурiйское и возвратитъ Гишпанцамъ Минорку, а Голландцамъ всѣ ихъ владѣнiя, кромѣ Цейлана.

Изъ Morning-Chronicle.

VII.

Письмо изъ С. Доминго, Французскаго Американскаго острова.

Наконецъ послѣ долговременнаго мятежа, неуспройспва и кровопролитiя, мы начинаемъ отдышаться. Собранiе нашихъ Депутатовъ издало улженiе для Колонiи, и всѣ жители съ радоспiю приняли его.

Я сообщу вамъ нѣкоторыя спашьи сей конспишущи.

„Сен-Домингская Колонія есть часпъ Французской Республики, но управляет- ся особливыми законами. Она раздѣляется на Департаменты, округи и при- ходы.“

„Всѣ безъ различія могутъ быть из- бираемы въ гражданскія должности. Пре- имущество талантовъ и добродѣтели да будетъ навсегда единственнымъ ме- жду жипелями Колоніи! Законъ равенъ для всѣхъ, какъ въ наказаніи, такъ и въ покровительствѣ.“

„Католическая Религія признается общею и главною.“

„Бракъ установленъ для благонравія полишическихъ обществъ. Граждане, ко- торые опличаются семейственными доб- родѣтелями, будутъ предметомъ особен- наго уваженія со стороны Правитель- ства.“

„Конспишущія утверждаетъ личную свободу и безопасность. Никто не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ законнаго осужденія или приговора. — Соб- ственность священна; всякой распола- гаетъ ею по неограниченной волѣ.“

„Земледѣліе есть главный промыслъ Колоніи, и первая должность Правленія

„успокойшь земледѣльцевъ. Каждое сельское жилище есть мирная обитель прудолюбія; отецъ семейства начальникъ. — Торговля Колоніи состоитъ только въ мѣнѣ ея собственннхъ произведеній.“

„Депутаты, избранные всѣми жителями, собираются въ назначенныя времена для законодательства; но должно, чтобы законы были предлагаемы Губернаторомъ острова, и только утверждаемы Депутатами.“

„Губернатору поручается исполнительная власть и правленіе Колоніи. Консигуция назначаетъ для сей великой должности гражданина Туссенъ-Лувершюра, перваго Генерала Сен-Домингской арміи; и признавая важныя услуги, оказанныя имъ Колоніи въ самыя трудныя и бѣдственные времена, благодарный народъ отдаетъ ему сію власть на всю жизнь его. — Впредь Губернаторы будутъ избираемы на пять лѣтъ; кто хорошо исполнитъ должность свою, будетъ избранъ снова.“

„Чтобы утвердить спокойствіе Колоніи, которымъ она обязана мудрости, дѣятельности и рѣдкимъ добродѣтелямъ Генерала Туссенъ-Лувершюра, и въ залогъ безпредѣльной довѣренности всѣхъ

„жителей къ сему знаменитому граждани-
 „ну, конституція даетъ ему право из-
 „брать себѣ преемника на горестный
 „случай смерти его. Сей выборъ да со-
 „хранится впаинѣ! Пакетъ съ именемъ
 „избираемаго будетъ распечатанъ Собра-
 „ніемъ Депутатовъ, въ присутствіи
 „всѣхъ Генераловъ Сен-Домингской арміи.
 „Генераль Туссенъ уведомятъ Собраніе,
 „гдѣ будетъ хранимъ сей пакетъ.“

„Губернаторъ имѣетъ сношеніе съ
 „Правительствомъ Франціи. Онъ назна-
 „чаетъ людей во всѣ гражданскія и во-
 „инскія должности, управляетъ арміею
 „и морскими силами, печется о внутрен-
 „ней и внѣшней безопасности (всячески
 „отвращая войну, которая есть бѣдствіе
 „для Колоніи), занимается полиціею,
 „предлагаетъ законы, даже и противные
 „конституціи, если опытъ доказы-
 „ваетъ ему необходимость оныхъ; даетъ
 „каждые два года отчетъ Собранію въ
 „приходахъ и расходахъ; смотритъ за
 „книгами, привозимыми въ Колонію, и
 „запрещаетъ вредныя для нравовъ. — Ему
 „опредѣляется въ годъ 300000 ливровъ
 „жалованья. Почетная сража его дол-
 „жна быть на иждивеніи Колоніи.“

Я пропускаю многія статьи, кото-
 рыя касаются до учрежденія судовъ, го-

родскихъ и сельскихъ правительствъ, и которыя содержатъ въ себѣ общія положенія (*distributions générales*). Пусть судитъ Европа о достоинствѣ нашей конституціи! Мы находимъ ее для себя мудрою и благодѣтельною.

Туссенъ-Лувершюръ есть нашъ Бонапарте, побѣдитель и примиритель. Онъ родомъ Негръ, и прежде революціи былъ только извѣстенъ по своему здравому разсудку и честности; но въ бѣдственное время Колоніи оказалъ себя Героемъ, образовалъ армію — и естли не могъ спасти насъ отъ ужаснаго безпорядка и кровопролитія, то по крайней мѣрѣ спасъ Колонію отъ конечной гибели. Онъ прежде имѣлъ многихъ непріятелей: теперь всѣ отдають ему справедливостъ, и *бѣлые и черные*. — Въ наружности Генерала Туссена есть нѣчто грозное и мрачное, произведенное, можетъ быть, страшными сценами революціи. Онъ молчаливъ и повелителенъ; ведетъ презкую жизнь, и не терпитъ роскоши; не свѣдуецъ въ наукахъ, но знаетъ человека и политику своего острова; самъ не умѣетъ писать хорошо, но поправляетъ написанное; имѣетъ льстивцевъ, но рѣдко вѣритъ имъ; любитъ славу, а еще болѣе признашельностъ согражданъ.

Колонія какъ фениксъ восплаеетъ изъ своего пепла. Многія испребленные *плантаціи* теперь возобновлены, и скоро придуть въ цвѣтущее сословіе. Освобожденіе Негровъ, вопреки Англійскимъ Мизантропамъ, не будетъ препятствіемъ для успѣховъ нашей работы. Они нанимаются за небольшія деньги, и прудятся прилѣжно. Но одно время и мудрое правленіе можетъ возвратитъ сей Колоніи прежнее многолюдство ея.

Новѣйшія письма изъ С. Доминго, полученные во Франціи черезъ Американскія Соединенныя Области, говорятъ совсѣмъ иное какъ о новомъ Уложеніи, такъ и Губернапорѣ острова, увѣряя, что многіе жители весьма недокольны и имѣютъ и другимъ. По крайней мѣрѣ Французское Правительство недовольно самоуправствіемъ Туссена, и посылаетъ туда войско подъ начальствомъ Генерала Леклера, чтобы привести все въ новый порядокъ. Любопытно знать судьбу Африканскаго военачальника, которому больно будетъ расстаться съ своею власнію; и которой едва ли покорился Французамъ безъ сопротивленія, командуя довольно сильною арміею, ему преданною. Бонапарте, какъ увѣряютъ, не хочетъ, чтобы

островъ имѣлъ особенную свою конспир-
 пуцію. Но чѣмъ бы ни кончилась сія испор-
 рія, Туссенъ - Лувертюръ оставилъ имя
 свое въ лѣтописяхъ нашего времени: чело-
 вѣкъ, которой за 19 лѣтъ передъ симъ былъ
 ничто иное, какъ бѣдный Африканскій
 невольникъ, а теперь повелѣваетъ боль-
 шимъ, многолюднымъ островомъ, и даетъ
 ему законы! — Вотъ что говоритъ объ
 немъ одинъ Парижскій Журналистъ:

„Льстецы Туссена - Лувертюра увѣ-
 „ряютъ его, что онъ происходитъ отъ
 „одного Африканскаго Принца, котораго
 „имя лѣтъ за триста передъ симъ было
 „славно въ Конго; но мы знаемъ един-
 „ственно то, что онъ обязанъ нѣкоторымъ
 „просвѣщеніемъ господину своему, С. До-
 „мингскому священнику, которой выучилъ
 „его разумѣть буквы. Человѣкъ, знавшій
 „отге нашъ и нѣсколько сотъ Французскихъ
 „словъ, могъ быть пророкомъ для грубыхъ
 „Негровъ. Справедливость пребуешь ска-
 „зать, что Туссенъ уменъ и храбръ, но
 „совсѣмъ не имѣетъ характера; не можетъ
 „скоро ни на что рѣшиться; всякому обѣ-
 „щаетъ, кто его проситъ, и рѣдко испол-
 „няетъ. Англійское Правленіе, вмѣстѣ
 „съ Американскимъ, желало, чшобы онъ
 „оплохился отъ Франціи и объявилъ С.
 „Домингскую Колонію независимую: Тус-

„сенъ десятиль разъ соглашался на то, и
 „ничего не сдѣлалъ. Извѣстіе о Маренг-
 „ской побѣдѣ привело его въ великой
 „спрахъ, и въ сильномъ движеніи души
 „онъ нѣсколько разъ воскликнулъ: *Maringo*
 „*la touyai moi* (*это Маренго убиваетъ меня*).
 „Когда Американской Консулъ возобновилъ
 „свое предложеніе, Герой нашъ ударилъ
 „себя по лбу и опвѣчалъ ему только:
 „*Маренго! Маренго!*“

Теперь скоро увидимъ, есть ли рѣши-
 тельность въ характерѣ Африканскаго
 Генерала.

VIII.

Извѣстія и замѣчанія.

Въ прошедшій мѣсяцъ занимали и пре-
 возжили Европу болѣе естесственныя, не-
 жели полипическѣ феномены; особливо въ
 южныхъ земляхъ. Сильныя, безпрестан-
 ныя дожди и бури произвели ужасное на-
 водненіе въ Италіи и Франціи. Большія
 рѣки выступили изъ береговъ, и разли-
 вая по долинамъ воды свои, попопяли
 города и деревни. Отъ Пьемонта до Вене-
 ціянскаго залива Италія казалась мо-
 ремъ, усѣяннымъ островами. Рѣки По,
 Тичино, Гревеллоне, соспаляли одно
 бурное, необозримое озеро. Олію, Адда,

Олона и другія также свирѣпствовали. Болѣе всѣхъ другихъ городовъ въ верхней Италіи потерпѣла Манпуя, окруженная болотами: стремленіе воды разрушило въ ней 200 домовъ. Славный мостъ Лодди, напоминающій одно изъ смѣлѣйшихъ воинскихъ дѣлъ Бонапарте, уже не существуетъ. Въ южной Франціи опустошеніе было также безпримѣрное: цѣлыя селенія исчезли; луга, сады покрыты иломъ и камнями. *Мы не ѣздили, а плаваемъ по дорогамъ*, пишутъ изъ Арля. Въ самомъ Парижѣ Сѣна заливала весь нижній этажъ Лувра. Съ горъ Альпійскихъ стремились бурныя рѣки и разрушали мирныя хижины пастуховъ; озера Швейцарскія черезъ великое пространство соединяли воды свои. Въ Константинополѣ были спрашныя вихри; въ другихъ мѣстахъ чувствовали землетрясеніе. Въ Англійи и въ Голландіи свирѣпствовало море и поглошило множество кораблей. — И на сѣверѣ отдалась сія ужасная гроза атмосферы: разлитіе многихъ рѣкъ въ зимнее время представляло у насъ совсѣмъ необыкновенное явленіе. — Однимъ словомъ, какая-то страшная туча съ дождями и бурями носилась надъ Европою и производила феномены, безпримѣрные въ лѣтописяхъ нашей части міра. Люди, кораб-

ли, селенія погибали. Долго еще не возможно будетъ исчислить, чего стоить человѣчеству, торговлѣ, гражданской и сельской экономіи сія воздушная революція, которая началась съ Ноября мѣсяца и въ Декабрѣ еще продолжалась въ южной Европѣ. *Не есть ли она (говоритъ одинъ Журналистъ) физическое эхо всѣхъ гражданскихъ и моральныхъ бурь послѣдняго десятилѣтія?*

Между разными печальными анекдотами сего опустошенія мы замѣнимъ чудесное спасеніе младенца въ окрестностяхъ Марсели: въ самое то время, какъ бурныя волны несли его въ колыбели, онъ игралъ цвѣтами — разительный примѣръ щасливаго спокойствія невинности, котораго отношеніе ко многимъ бѣдствіямъ общежитія раждаетъ въ душѣ утѣшительныя мысли! —

Обращая взоръ на Политику, видимъ вездѣ ожиданіе, переговоры и частыя сношенія Кабинетовъ, говорящихъ теперь новое, надежное и по возможности справедливое образованіе политической Европы. Въ Амьенѣ до сего времени нѣтъ другихъ Министровъ, кромѣ Французскаго, Англійскаго и Голландскаго; едва ли и будетъ. Кажется, что въ формахъ Министеріи сдѣлалась такая же перемѣна, какъ и

во многихъ другихъ частяхъ. Нынѣ Державы рѣшашъ судьбу міра не Конгрессами, а въ Кабинетахъ. Главное сдѣлано въ Лондонѣ и въ Парижѣ: для Амьеня оставлены подробности, преобладающія времени и нѣкоторыхъ соображеній, но не опасныя для друзей мира. Войны уже не будетъ — и сего увѣренія довольно для нашего спокойствія.

Чишателямъ Вѣдомостей извѣстны слухи о заговорѣ прошивъ Бонапарте: новѣйшія извѣстія увѣрили насъ въ ихъ несправедливости. Умы пакъ привыкли къ частыхъ Парижскимъ смятеніямъ, что до сего времени не вѣряшъ еще тамшнему спокойствію, и въ каждомъ маленькомъ облакѣ видяшъ грозную тучу. Лондонскія Вѣдомости утверждали, что молодой Генераль Ланъ, котораго Бонапарте называлъ всегда *храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ* (le plus brave des braves) поссорился съ нимъ за его систему, клялся мечемъ своимъ опмститъ ему, преклонилъ на свою сторону другихъ Генераловъ, хотѣлъ свергнуть Консула и — заключенъ въ темницу. Нѣмецкіе Журналисты прибавляли, что эшотъ ужасной заговоръ открытъ былъ самымъ тѣмъ человекомъ, которому надлежало заснуть мѣсто Консула: а именно, Генера-

ломъ Моро; что Массена и Ожеро также были участниками, и проч. Все это есть ничто иное, какъ басня; единственно то справедливо, что Бонапарте опнялъ у Лана начальство надъ Консульскою гвардіею, и предлагаетъ ему ѣхать Министромъ въ Португаллію: то есть, Ланъ въ немилости; но съ заговорщиками такъ крошко не поступають. Бонапарте столько любимъ, и споль нуженъ для щастія Франціи, что одинъ безумецъ можетъ возстать противъ его благодѣтельной власти.

Бонапартиева жизнь конечно въ опасности — не отъ кинжаловъ убійцъ и заговорщиковъ, но отъ чрезмѣрной дѣятельности ума его, которая всегда бываетъ гибельна для нѣжнаго сложенія; извѣстно, что онъ слабъ здоровьемъ. Пылающая душа можетъ иногда питать угасающій огонь жизни, и даетъ какую-то необыкновенную силу человѣку; но эта *отсрочка* не бываетъ долговременна. Вообразитъ ли обыкновенный человѣкъ, какъ можно работать головою 18 часовъ въ сутки, и всякой день, какъ Бонапарте работаетъ? Какое множество идей должно ему обрабатывать, приводить въ систему! Какое разнообразіе въ предметахъ дѣятельности! и всякой пребудетъ яснаго взора и

спокойствія души, которое, безъ рѣдкой твердоспи въ характерѣ, не совмѣстно съ великими заботами. Въ *Мониторѣ* печатающъ описаніе Консульскихъ засѣданій еѣ Совѣта и разсужденій о новомъ гражданскомъ Уложеніи для Франціи: *любопытно* видѣть, какъ Бонапарте входитъ во всѣ подробности законовъ, какія основательныя замѣчанія предлагаетъ сочинителямъ ихъ, и съ какою *благоразумною* свободою проповорѣчатъ ему; тѣмъ *любопытнѣе*, что мы только въ сихъ засѣданіяхъ видимъ его, такъ сказать, лично на сценѣ и слышимъ говорящаго; во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствія ума его сокрыты завѣсою для публики.

Въ слѣдующемъ номерѣ Вѣстника будещъ напечатана рѣчь Порталисова, которая служитъ введеніемъ къ новому гражданскому Уложенію Республики. Первые статьи его, предложенныя на разсмотрѣніе Трибунала, были отвергнуты по большинству голосовъ: ихъ нашли темными и вообще недоспойными служить *портикомъ для храма* государственныхъ законовъ. Надобно замѣтить, что онѣ были предложены опѣ имени Консульскаго Совѣта. Бонапарте ихъ одобрилъ; слѣдственно самолюбіе его иѣкоторымъ образомъ оскорблено въ семъ случаѣ. Ка-

жеться, что Трибуналь хотѣлъ доказатьъ себѣ важность свою и независимость.

Бонапарте ѣдетъ въ Лионъ, гдѣ уже собрались всѣ Депутаты Чизальпинскіе, которые едва могли проѣхать черезъ Сенискую гору, естъли не опасную, то по крайней мѣрѣ весьма затруднительную для путешественниковъ въ зимнее время. Они узнали опытомъ, каково было Консулу иппи съ арміею черезъ сѣжныя Альпы для возстановленія ихъ Республики! Сія чрезвычайная *Консульта* принадлежитъ также къ любопытнымъ явленіямъ нашего времени и Бонапартиевой славы.

Въ послѣднихъ засѣданіяхъ Англійскаго Парламента было только одно важное разсужденіе о правахъ Ост-Индской Компаніи. Дондасъ и другіе Члены предлагали дозволить свободную торговлю въ Индіи; но Министры были защитниками Компаніи, и предложеніе не имѣло слѣдствій. Удивительно, что сіе славное Общество, имѣя въ подданствѣ своемъ цѣлыя обширныя государства и право исключительной торговли въ Индіи, донынѣ все еще обременено долгами.

Англійскіе Журналисты съ нѣкотораго времени сообщаютъ много непристойнымъ анекдотовъ на счетъ Французскаго Правленія и сражаются съ полишикою Бона-

парте, говоря, что онъ намѣренъ сообщить Англійскому Министерству какую-то особенную систему правленія, которая, по ихъ словамъ, хороша для вѣрренныхъ Французовъ, а не можетъ быть терпима гордыми Англичанами. Война Журналистовъ не опасна для Европы. Зная всѣ тайны Госпожи Бонапарте и Министра Талерана, они знаютъ и всѣ медицинскія подробности Стесовой болѣзни, о которой не говорятъ ни слова Французскія газеты. Они же ищутъ еще, что Бонапарте въ крайней бѣдности; что онъ хотѣлъ занять милліонъ у Парижскихъ банкировъ, но получилъ грубой отказъ!

Трактатъ Франціи съ Гишпаніею, подписанный въ Мадридѣ Луціаномъ Бонапарте и *Княземъ Мира*, теперь обнародованъ. Гишпанія отдаетъ Республикѣ Луизиану, обширную землю въ сѣверной Америкѣ, открытую при Лудовикѣ XIV и названную его именемъ. Первыя Колоніи были въ ней Французскія; но онѣ почти всѣ испребились. Съ 1766 году Луизиана принадлежала Гишпаніи, которая весьма мало пользовалась естественными выгодами и плодородіемъ сей земли, заключающей въ нѣдрахъ своихъ множество богатыхъ рудъ. Къ физическому характеру ея принадлежишь то, что тамъ рѣдко бываетъ

облачное небо, и почти всегда сіяетъ самое яркое солнце. Въ рукахъ дѣятельнаго Правленія она можетъ быть цвѣтущею и щастливою областію. Думаютъ, что Бонапарте предложитъ ее въ убѣжище шѣмъ Эмигрантамъ, которые не могутъ еще возвратиться во Францію. — Въ семь ширакшатъ Тоскана признается навѣки *собственностію* Гишпаніи, и должна быть всегда управляема Инфантомъ фамиліи Гишпанскаго Короля; а Герцогъ Пармскій, котораго сынъ царствуетъ теперь въ Тосканѣ или въ Эпируріи, отдаетъ свое Герцогство въ расположеніе Французской Республики. Вѣроятно, что Бонапарте уступитъ Парму Королю Сардинскому въ замѣну Пьемонта.

По слѣдующему письму изъ новой Республики Семи Острововъ можно ожидать для нее мирныхъ и щастливыхъ дней въ будущемъ. Мы должны брать участіе въ ея судьбѣ, по тому что она была нашимъ завоеваніемъ, и напоминаетъ храбрыя дѣла Рускихъ.

Корфу, 10 Ноября.

Семь Острововъ, нынѣ соединенныхъ, были 18 мѣсяцевъ оставлены на произволь судьбы, но доказали свое миролюбіе и успѣхи нравственности. Во все это время

случилось здѣсь только двадцать убійствъ, а прежде, когда мы принадлежали Венеціи, бывало ихъ ежегодно болѣе шести сотъ. Надѣемся, что Республика наша скоро успеетъ въ художествахъ и наукахъ. Гений Греціи, соревнованіе, таланты, пріятности климата, щастливое положеніе, большая удобность для торговли, покровительство сильныхъ Державъ — все обѣщаетъ намъ цвѣтущее благоденствіе. Мы уже отправили въ разныя мѣста около трехъ сотъ купеческихъ судовъ.
